

Восьмиглавый медный шар

1. Вервие

Вот так живёшь — и вроде бы знаешь, кто ты такой. Чиновник Обрядовой палаты, третий в Столице искусник в игре на лютне, почтительный родич, любящий муж. А потом оказывается вдруг: всё это никому не нужно. Только что был «милый», «ненаглядный» — и вот, пожалуйста: заплакала, занавесилась тремя занавесами. Молчит. И на записки не отвечает. Получается, ты — жестокий самодур? Бессердечный болван? Кому смешно, а у молодого господина Цунанори земля из-под ног уходит. Вот прямо из-под восточного крыльца дома Конопля, где он прохаживается и терзается.

Стоило жениться по любви! Два года назад вся Столица умилялась такому браку. Что-то теперь скажут... И в Палате наверняка уже проведали, а завтра туда всё-таки придётся идти. Два прогула подряд дедушка не спускает. Одни будут хихикать, другие сочувствовать, третьи притворяться, будто ничего не знают, и какие гаже — поди разбери. Но главное: Цунанори не помнит, не понимает, в чём причина! Что он, собственно, натворил? Не изменял, не пьянствовал... Ляпнул неуважительное о дальних землях, где служит господин тесть? Кажется, нет. Наряда нового не похвалил, то есть, значит, не заметил? Так ведь хвалил же! Или этот как раз — старый был?.. На кошку точно не наступал. Или, по их расчёту, муж виноват, что на третий год брака всё ещё... Ну, и как это опровергнешь? Только сделаешь ещё хуже.

Не пленилась ли каким столичным дамским угодником? А то есть такие...

О боги! Не слушает. Разговаривать не хочет. Лежит под ворохом платьев, и не видно, есть она там — или нет уже. Зайти проверить? Страшно! Совсем муж надоел, подалась к подругам, к батюшке в глушь, в уединённый

монастырь... Сбежать из Конопляной усадьбы не так-то просто. Но с неё бы случилось. И конечно, если челядь на её стороне... То-то они все примолкли и переглядываются, и господину ничего не объясняют.

О, вот идёт один. Младший привратник. Рожа унылая и — да, явно укоризненная.

— Дозволь доложить, молодой господин... Там гонец прибыл к молодой госпоже. От наместника, из Верного...

Вот, только вспомнил про тестя — и нате!

— Госпожа не принимает.

— Осмелюсь молвить — я на посланца этого поглядел... Ну, похоже, недобрые вести-то.

Может, и впрямь дело в этом. Сердцем почуяла. И обиделась, что муж не понял. Или что не гадал давно — как там господин Миёси? Ну, не гадал — так по календарю не время ещё. А сам не сообразил.

— Так отослать его, что ли?

— Нет, проси!

Когда господин тесть, как раз вскоре после свадьбы Цунанори, получил назначение в Верный край, об этом много толковали. То ли Государево доверие, то ли опала — сейчас в этом не так просто разобраться. Но сам господин Миёси отбывал бодро, со Столицей простился, пролив слёз не более положенного, даже, помнится, лелеял замыслы каких-то преобразований... Ну, попенял, конечно, на кознодеев и завистников, сплавивших его подальше от Дворца — но кто бы на его месте вёл себя иначе? Особенно при таком бдительном и подозрительном нраве. Простились тогда по-хорошему, правда, писем из Верного и впрямь давно не было — ну так не ближний свет.

Посланец входит, низко кланяется. Весь в пыли, словно не отдышался ещё. Приветствует должным образом. Голос красивый. И Цунанори этот голос, кажется, помнит. Просит подняться, сесть, рассказывать.

Точно, и в лицо он этого парня видел тогда, два

года назад. Совсем молоденький, а тогда был и вовсе мальчик, но в большом доверии у господина Миёси. Даже слухи о том ходили неподобающие, но Цунанори им, конечно, не внимал. Парень и впрямь красив, но сейчас самым неучтивым образом не может скрыть тревоги. Что ж такое стряслось-то? Если бы господин тесть скончался — он, Цунанори, всё-таки жрец, почуял бы смертную скверну. Помоги боги — уж не взбунтовался ли наместник Верного?

— Нехорошо у нас, — вымолвил наконец посланец.
— Надобно сообщить молодой госпоже...

— Что нехорошо?

— С господином наместником. Он как отбыл на восток, с самого начала какую-то беду чуял. Проверял, остерегался, да, похоже, не уберётся. Или не оттуда беды ждал.

— Да какой беды? Что с ним: нездоров?

— На вид — в добром здравии. Только... Будто подменили его.

И замолчал.

— Как так: подменили? — спрашивает Цунанори.

— От дел устранился, никого не принимает, говорит не по-своему. Свет запретил зажигать во всём доме и в управе, сидим впотьмах. И рука...

— Что с рукою?

— Почерк меняется. Извольте взглянуть.

Какое-то внутреннее распоряжение земельной управы. Написано странно: похоже, писал и вправду тесть, но словно бы только недавно выучился грамоте. Или — начал её забывать.

— Сам он какие-нибудь письма прислал?

— Да я без дозволения... Он бы меня не пустил.

Спасибо! Очень тут нужен беглый чужой челядинец.

— Говори толком: ты о чём просишь?

— Может, обряд какой нужен... Я-то не разбираюсь... Ну, и родне, наверно, надо знать. Пока не поздно.

И сам уже чуть не плачет. Вот они, миряне! Если господин Цунанори жрец — значит, должен через полстраны увидеть, что там в Верном не так, из невнятного описания точно заключить, какой обряд будет уместен, и всё исправить. А если ошибётся — сам и будет виноват, или даже вся Обрядовая палата...

И в это время из глубины дома, приглушённый тремя занавесами, раздаётся голос молодой госпожи:

— Ступай-ка ты, милый, к дедушке.

Глава Обрядовой палаты, господин Асано-старший, внука принял и срочный доклад выслушал со вниманием.

— Ещё что-нибудь говорит?

— Да больше ничего. Но, по-моему, всерьёз перепуган.

— Кто он сам-то такой?

— Да то ли младший писарь, то ли постельничий... Не упомню, как бишь его. Он при господине Миёси ещё в Столице состоял.

— Помню такого юношу.

Старик возвышает голос: не громче, но как-то резче молвит:

— Эй, Таманобу, поднимись сюда.

Конопляный господин изволит знать по именам всю челядь всех своих родичей и свояков. И не только.

Надо было парня переодеть, что ли. А то прямо в дорожном изгвазданном платье... Да кто же знал, что он лично удостоится?

Господин Асано пристально вглядывается в посланца. Сейчас велит, чтобы тот сам всё изложил, и выяснится, что Цунанори не задал простейшего и решающего вопроса, иначе бы сам всё понял и не морочил бы голову старшим.

Нет. Конопляный господин молча, прямым неотрывным взглядом подымает склонённую голову гонца. Долго глядит ему в глаза. Потом кивает,

дозволяя вновь опуститься в поклоне.

— Хорошо. Сиди смиренно, закрой глаза.

И велит уже внуку:

— Дай.

Когда не говорят — что дать, это значит: Вервие. Святыню дома Конопля. Цунанори подвигается на коленях, подаёт деду ларец.

Некоторое время слышно только, как волокно скрипит в руках господина Асано. Жрец и сам не смотрит, какие вяжет узлы, взор обращён к богине. Гонец застыл неподвижно: так всегда цепенеют те, через кого старший жрец связывается с незримым миром, а оттуда уже — с Верным краем, где сейчас неладно.

Выдохнул. Растянул верёвку перед собой. Таманобу мешком валится на циновки. Дед читает узлы. Лицо пока неподвижно, но Цунанори привык: чувствует, что гадание удалось, во-первых, а во-вторых — показало что-то любопытное. Ни горя, ни страха.

— Сядь, — говорит Конопляник Таманобу, и тот садится. — Вам не обряд нужен.

Парень вопросительно хлопает глазами.

— Это дело не для жрецов, а для учёных. Учёные вам будут.

2. Учёные

Вся Облачная страна делится на земли великие, средние и малые. Согласно исконным установлениям, на великую землю полагается один казённый лекарь и половина казённого гадателя. В земле Верной эти полторы должности совмещает один человек. Так его все и зовут — господин Итэммон, Лекарь-Гадатель.

Лекарем в любой великой земле быть непросто, а вдали от Столицы — сугубо. Чиновников, которых надлежит пользоваться, конечно, немного, но помимо них есть ещё почтенные люди из знатных местных семей, пусть и не все они при должностях. А хуже всего — если начнётся мор. Лекарь должен его распознать в самом

начале, представить наместнику доклад о надлежащих мерах, добиться, чтобы меры эти были приняты немедленно, а не когда сам наместник доложит в Столицу и получит ответ. А потом отвечать за все последствия. Но без казённого лекаря все бы тут вообще уже перемерли. Несмотря на здоровый и чистый горный воздух.

Гадателем быть ещё труднее. Знамения надобно заметить, понять самому, растолковать начальству и в итоге опять же отвечать за всё, что из этого выйдет. Когда служишь в двух землях, можно надеяться, что соседи-наместники друг друга не любят, и если одного знамение не убедит, то другому понравится. Но у гадателя-совместителя и этой страховки нету. А хуже всего, что в знамениях господин Итэммон всегда разбирался слабее, чем в лекарском деле. И бывает подвержен сомнениям, как только дело дойдёт до толкований.

Вот, казалось бы, и сегодня: ничто не предвещало...

Утром лекарь, как положено, посетил Управу. Как обычно, обнаружил, что делать там нечего: донесений с мест нету, на здоровье никто не жалуется, от начальства поручений никаких. Навестил припадочного больного в запустелом храме, убедился, что ему не лучше и не хуже, чем давеча. Этот малый за последние года три перепробовал множество снадобий, и всё не впрок. Однако если не показываться на людях, не смотреть на пламя и на бегущую воду, припадки и не досаждают... Затем господин Итэммон часа два провёл на огороде, удостоверился, что целебные травы произрастают исправно. Ещё час занимался с детьми, за неимением приходящего учителя.

Тут-то и нагрянул рассыльный из Управы. Да не один. С ним — шестеро носильщиков с тяжёлой кладью и двое верховых. Чужаки! — решил было лекарь, но поспешил поправить сам себя: невозможно считать чужими приезжих из Государевой Столицы.

Они побывали уже в Управе, одеты не в дорожное платье, а в должностное. Хуже некуда: оба из Календарного ведомства. Проверка? Неужто в наших краях явилось-таки нечто благовещное или наоборот, до Столицы уже дошло, а Итэммон и не заметил?

Что-то странное, однако, есть в этих чиновниках. Они без охраны, сами вооружены: у каждого лук и стрелы, а у того, который повыше ростом, ещё и меч, да мерный шест, окованный медью. Лицо худое, взгляд грозный, улыбка мрачная. Второй поменьше, пухлый, но тоже как-то подозрительно обмахивается веером. А ведь люди с равнины тут в горах поначалу обычно мёрзнут...

— Согласно распоряжению господина наместника, учёные господа из Столицы размещаются у тебя на постой, — сочувственно сообщает рассыльный. И убегает, чтобы дальнейшего не объяснять.

Всадники спешили, кланяются по-столичному, взметая полами и рукавами пыль во дворе. Дети, конечно, бросили урок, прямо с кистями в руках высунулись разглядывать. Лекарь их шуганул, приветствует гостей с подобающим достоинством.

— К твоим услугам — братья Ки! — молвит малорослый, извлекая из рукава подорожную грамоту. Если взглядеться, в самом деле видно, что они братья. Одни и те же черты, только мягко-одутловатые у старшего и острые, сухие у младшего. Хороший пример к тому, как семейные задатки по-разному проявляются в зависимости от сочетания светил в час рождения.

Господин Итэммон извинился за убогость своего крова. Только хотел пригласить в дом, как младший Ки проделал — словно бы боковой удар ногою при игре в мяч, только без всякого мячика. Поглядел, как оседает пыль, и осведомился:

— Давно у вас извержение было?

Не надо быть большим умником, чтобы отличить пепел огнедышащей горы от прочих разновидностей песка и пыли. Особенно когда она гора, Восьмиглавая,

возвышается как раз над нами, над управой Верного края.

— Извержение? — сдержанно переспросил Итэммон. — Если бы гора выдохнула, нас бы тут никого уже не было. Это горные пары оседают, дело в этих краях обычное.

Похоже, срезал. Главный учёный в земле Верной — он, и даже если это проверка — чрезмерно умалять себя не следует!

— Ну вот и хорошо, — умиротворяющее кивает старший Ки. — На редкость неудачно было бы прибыть сюда сразу после извержения. Это крайне осложнило бы нашу задачу.

Хотелось бы знать: какую задачу это бы упростило?

Для гостей пришлось освободить всю среднюю часть дома. Братья стали выгружать из носилок свой скарб. Несколько узлов с платьем, две большие корзины, два короба с бумагами. А также отвес, уровень, счётную доску, несколько мотков верёвки с узлами. И главное: тяжёлый бронзовый треножник, а к нему — шаровидный сосуд наподобие котла с крышкой и с носиками на восемь сторон света, исполненными в виде змеиных голов с медными шариками в зубах.

— Прибор для предсказания извержений! — с гордостью пояснил старший.

Итэммон, разумеется, читал подробное описание такой снасти. Саму её никогда прежде не видел, хотя и учился в Столице. Помнится, на расстоянии пятисот вёрст и даже более, при первых подземных толчках, коими сопровождаются извержения...

Вот. В том-то и дело. Пятьсот вёрст. Предсказательный прибор должен стоять в Календарной палате, он для того и изобретён, чтобы наблюдать земные сотрясения издалека. Из которой змеиной пасти выкатится шарик — в ту сторону, значит, внутри сосуда качнулся маятник, чувствительный к самым лёгким колебаниям земли. Следовательно, в той

стороне от Столицы пробудился подземный огонь. Можно принять упреждающие меры: не дожидаясь вестников, отправить вспомоществование пострадавшим, войска для предотвращения смуты... Спрашивается: зачем же везти такой сосуд к самому Восьмиглавцу? Уж если он дохнёт, здесь это будет заметно сразу.

Спрашивать о замысле столичных изыскателей было бы неудобно. Может, сами за ужином проговорятся.

Братья перевели дух, ещё раз переоделись — в домашнее, однако же дорогое и нарядное платье. Старший тщательно набелился, младший был более небрежен, едва позаботился выщипать несколько волосков, пробившихся на подбородке за время пути. Проголодались оба изрядно.

Завели беседу, какую и подобает вести с лекарем: какие недуги вызываются горными испарениями, различно ли они протекают у местных и приезжих. Выразили уверенность в благотворном действии киновари на подобные заболевания. Ну, что с них взять — в Столице если уж какое снадобье дорого, так считается, что им что угодно исцелить можно.

Что они не разбираются в лекарском деле — это неудивительно, не всем же совмещать... Но и о собственных замыслах выражаются то уклончиво, то противоречиво. И это уже настораживает. Внутреннее устройство своего прибора знают назубок. Но что будет, если, скажем, поблизости от сосуда подпрыгнет и приземлится кто-нибудь грузный? Иначе говоря, как получается, что прибор определяет только подземные движения, но не наземные? Этого братья объяснить уже не смогли. Лекарь завёл было речь о великом Тюко — изобретателе не одного лишь вот этого предсказательного сосуда, но и множества других научных хитростей.

— О да! — воскликнул старший брат. — Всякий раз,

как вспомню его «Песни о Восточной Столице»...

И прочёл несколько строк, утирая слёзы. Спору нет, Тюко был также стихотворцем... Но странно, если молодых учёных больше трогают его песни, чем трактаты. К тому же и города он воспевал, конечно же, не наши, а свои, китайские, давным-давно сгинувшие. По ним сокрушаться поздно.

Ещё два-три вопроса — и лекарю Итэммону стало ясно, что за учёные к нему пожаловали. Главная их сила — не прилежание в учёбе, а родство со старшим наставником Календарного ведомства. Хуже того: если своих любимых юных родичей, столь успешно продвинутых, оный наставник сплавляет подальше от Столицы — значит, там их видеть не желает кто-то ещё поважнее. Лучше пусть молодые люди выполняют в отдалённых землях ответственное поручение, чем отправляются туда же в ссылку. Любопытно, что они такого натворили?

Долго гадать не пришлось. Хотя Верный край и не изобилует рисом, но у лекаря всё-таки нашлось достаточно браги для приличного угощения. А захмелев, столичные гости растрогались и предались воспоминаниям. Итэммон осторожно начал расспрашивать об их почтенных родителях и уважаемых наставниках. Чтобы не показаться навязчивым, припомнил и сам кое-кого из своих учителей и столичных знакомых. Да живы ли они ещё...

— О, господин Такой-то живёхонек, — отозвался младший Ки. — Братец мой имел неоднократное удовольствие бывать в его доме...

— Братец! Стоит ли об этом? — взмолился старший.

— Молчу, молчу.

Зашла речь и о детях. Старший Ки, оказывается, уже отец небольшого семейства.

— Как считать, небольшого ли, — заметил младший. — Четверо ребятишек, и все ровесники...

— Полно, братец!

Достаточная причина, чтобы на время отослать

юношу подальше от столичных красавиц. Надо будет предупредить тех здешних чиновников, у кого взрослые дочери. Да и тех, у кого молодые жёны.

Младший Ки, кажется, ещё не женат. Блится в основном на стрельбищах. Последние состязания конных стрелков пересказал в подробностях, хоть и не до конца.

— Не сомневаюсь, дорогой мой гость удостоился высших отличий.

— Вторым пришёл, — честно признался Ки. — Но я скажу, уступить младшему воеводе Правой стражи не позорно. Он однажды демона летучего ночью навывлет прострелил. Кстати, как у вас в Верной насчёт демонов?

Вопрос с подковыркой. Скажешь честно: не наблюдается, — а вдруг в Столице о наших местах ходят совсем иные слухи? А сочинять небылицы не хотелось бы.

Тут внезапно и более сдержанный Ки-старший проявил любознательность:

— Говорят, храм местный совсем запустел? Не объявился ли и в ваших краях, как на западе, монах-людоед?

— Да что вы говорите! Боги миловали. Напротив, причиной запустения — благочестивое рвение настоятеля. Послушный дивным видениям, удалился в горы, принял обет молчания и отшельничает уже несколько лет. А за ним, понемногу, и прочие монахи расточились. Только порою за подаянием забредают.

К счастью, братья Ки сочли это объяснение вполне достаточным. Заметили, что надо бы посетить почтенного молчаливого, и перевели разговор на иное. Пронесло...

Угощались до темноты, удалились отдыхать совершенно пьяные. Когда Итэммон в молодости учился в Столице, молодёжь была крепче.

3. Хозяева

На следующее утро наместник земли Верной соизволил принять столичных учёных.

Здание управы длинное, несколько даже несоразмерное для небольшой долины. На дворе затишье: не слоняются охранники, не сидят толпою просители. Внутри — просторно, никаких лишних разгородок. И тоже пусто, только двое писарей. Оконные проёмы затянуты бамбуковыми занавесями, солнце на циновках — узкими, резкими полосками. Помост наместника и вовсе теряется в тени. Можно только различить, что сидят там трое: средний чуть возвышается над крайними, как будды в старом храме.

Тот, что ниже всех сидит, объявил: братья Ки могут приблизиться. По голосу только и узнали письмоводителя Таманобу, который сопровождал их из Столицы. С поклонами поднесли грамоты от Календарного ведомства, письмоводитель свитки принял, почтительно передал дальше, вышесидящим.

Теперь видно чуть лучше. На среднем месте — сам наместник, в казённом платье и шапке, немолодой уже, крупный, грузный. Недвижное лицо мерцает в сумраке белой пудрой. Взор — быстрый, дикий; на миг даже перехватил взгляд старшего Ки, прежде чем тот успел пристойным образом потупить. Свиток не развернул, только шнур и печать ощупал.

Рядом с ним слева — почтенный, можно сказать, старец. Невысокий, с худощавым личиком, глава сощурены, словно на ярком свете. Судя по наряду — заместитель господина Миёси, из местных. Известное дело: наместники сменяются, заместители остаются, десятилетиями. Оба выглядят внушительно, властно, но старик — непринуждённее.

Справа подобало бы сидеть начальнику охраны, казначею или хоть гадателю, но их нет. Письмоводитель посажен на слишком почётное для него место. Странное всё-таки лицо: худое и тем не менее красивое. Смотрит с настороженным любопытством, словно за последний месяц братья-учёные ещё не надоели ему — сначала в

Столице, пока собирались, а потом в пути.

Не размыкая губ, Миёси глухо произносит:

— Цели?

Таманобу переводит:

— Господин наместник спрашивает, какие новости из Столицы у господ учёных.

— Милостью богов, — отвечает старший Ки бодро, — вокруг Властителя земель всё процветает, от дворцовых ворот до дальних окраин. Недобрых знамений не наблюдается, пять бедствий минуют.

— Цели, — повторяет наместник.

Юноша кланяется и, кажется, вздыхает:

— Не изволят ли господа изложить замысел своих изысканий?

— Древние говорили: пережитая радость — уже не радость, предвосхищённая беда — уже не беда. Знаки небесные постигаются мудростью, знаки земные исчисляются наукой. Мы прибыли, чтобы испытать прибор, измеряющий колебания гор и вод, движения подземные и воздушные. Путь наш лежит по всем землям к востоку от Столицы, особое внимание нам надлежит уделять огнедышащим горам. Из них же здешняя вершина Восьмиглавая принадлежит к пяти наиболее прославленным, уподобляется горе Тай, что на востоке китайских земель, и пику Су, что в Индии.

Глазки заместителя на миг приоткрылись пошире — и снова сощурились. Наместник по-прежнему равнодушно произносит:

— Сроки?

Письмоводитель разворачивает вопрос, но ответ у Ки уже готов:

— Сроки зависят от содержания наблюдений. В любом случае — не более года.

Может, и хорошо, что гадателя, он же лекарь, тут сейчас нет. Он уже утром сегодня, с позволения молвить, взвыл, увидев, как Ки-младший повесил на дерево во дворе свою дорожную шляпу и целит в неё из лука. В окружении восхищённых детей Итэммона, то и

дела сующихся под стрелы.

Господин Миёси, однако, хранит невозмутимость. Только свиток в руке сжимает чуть сильнее, чем следовало бы.

— Нужды?

Как всегда, самый больной вопрос. Особенно в отсутствие казначея.

Неожиданно зычно отвечает на него Ки-младший:

— Ищущий знаний чуждается излишеств. Мы сами премного довольны. А для изысканий нам вот что требуется. Во-первых, четверо носильщиков, но не каждый день. Во-вторых, прочные носилки. Наподобие тех, какие нам у вас на дороге дали.

Восточная дорога проходит мимо управы Верной земли, гораздо ниже. Возок пришлось оставить на постоялом дворе, и весь груз поднимать наверх в носилках, предоставленных местными властями. Вчера те носильщики отбыли и больше не появлялись.

— В-третьих — грамоты от господина наместника ко всем тутошним уездным смотрителям, на внутренние заставы. В-четвёртых, доступ к книгам, к записям о здешних землетрясениях за последние годы. Или хотя бы выписки из них. И в-пятых, укажите нам старожилов. Кого-нибудь, кто знает местные предания и поверья. Всё по той же горной части.

— А проводник? — подаёт голос заместитель.

— Не хотелось бы утруждать народ Верной лишними хлопотами, — молвит старший Ки. — Когда понадобится проводник, побеспокоим управу особым запросом.

Медленно и осторожно, словно у него зубы болят, господин Миёси чуть склоняет голову. Письмоводитель веером подаёт знак, что приём окончен. И уже у выхода братьев Ки настаивает негромкий голос наместника:

— И остерегайтесь горных монахов.

Один из писарей выходит вслед за учёными и приглашает отобедать. Через час в этом же здании. А пока не изволят ли гости полюбоваться садом?

Сад расположен сразу за оружейным складом, около дверей которого устроился единственный замеченный братьями Ки охранник. Упитанный, видный парень крестьянского вида; рядом с ним к стене прислонено копье, сам жуёт редьку — с хрустом и не поморщившись. В саду всё как положено — деревья на все времена года, крошечный пруд с мостиком и островком. На островке лежит и спит грязно-белая собака. Благодать!

Наслаждаться ею в одиночестве учёным пришлось недолго. Пожаловал Таманобу. Точнее, он шёл по делу в сторону управских складов, но младший Ки его перехватил:

— Ну, как? Не сильно тебе влетело?

Юноша подымает свои будто нарисованные брови:

— Простите, за что?

— За самовольную отлучку. К барышне-то.

— По невежеству моему, — сдержанно отвечает парень, — не разумею, о чём толкует господин учёный.

— То есть на самом деле твой господин всё знал?

— Что знал?

— Что ты в Столицу отправился.

— К-когда?

— Да вот два месяца назад.

— Увы мне. Уже два года не имел я счастья видеть Срединный город.

Сказано скорбно, но твёрдо. Оставь его, — подаёт знак старший брат. Раз они делают вид, будто ничего не было, пусть их.

Прогуливаясь по саду, братья время от времени заглядывают за угол оружейни. В управе по-прежнему всё тихо, за час наместник так никого нового и не принял. Даже монахи за милостыней не явились.

Таманобу, видимо, обиделся. Во всяком случае, на обеде его не было. А может быть, дело в том, что не было и самого господина Миёси. За хозяина выступал заместитель наместника Яцутакэ. Потчевал дичью и

кашей из местных клубней.

— Невольно чувствуешь себя в самом сердце гор!
— восхитился старший Ки столь необычному угощению.

Брага тут, как и у лекаря, привозная и очень хорошая.

Господин Яцутакэ стал учтиво, но настойчиво расспрашивать о предстоящих изысканиях. До него уже дошёл слух о медном сосуде.

— Рад рассказать, — говорит старший брат. — Имеется пустотелый разъемный шар. Внутри него стержень, подобный маятнику. Это он качается, ударяет — и мелкие шарики выкатываются из змеиных жерл. Необходимо тщательно выровнять поверхность, установить на неё треножник, а сверху водрузить шар. После этого вокруг можно хоть скакать на конях, шарики не шелохнутся. Но если уклон поверхности изменится — а он изменяется, когда в дальних краях сотрясаются горы или колеблется дно морское, — тогда сие тонкое устройство немедленно даст об этом знать. В большие подробности не смею вдаваться, дабы не нарушить распоряжений Календарного ведомства.

— Хитрая снасть, — покачал головою старик. — И открывает более, нежели кажется. Неурочные волнения суши и моря суть бедствия. А причина бедствий в чём? Непорядки правления отзываются в горах и долах, а знамения земли и неба наставляют правителей...

Несколько неожиданна такая учёность у горца, никогда не бывавшего в Столице. Ки восклицает:

— Именно! Когда государя окружают мудрые сподвижники, народ спокоен и страна процветает. Когда же близ престола зреет смута, в дальних краях нарастает непокорство, то и наводнения неизбежны, и засухи, и извержения подземного огня...

— Отрадно доверие Столицы к земле Верной! Раз уж дальние замеры производятся из наших мест, значит, мы-то не даём повода треножнику колебаться.

Старший брат слегка закашлялся. Ведь действительно стройно получается: если прибор

разработан для предсказания бедствий на окраинах, то, отволочив его на окраину, можно многое узнать о Столице... Не хотелось бы это сейчас обсуждать.

Ки-младший встречается с прямым вопросом:

— Так как насчёт старожилков-то?

— Тут вот такая сложность, — разводит руками Яцутакэ. — Долгожители имеются, конечно, места у нас здоровые, живут люди долго. Только всё больше в горных деревнях, боюсь, без переводчика вам их речь будет трудно разобрать. Но переводчика мы подыщем, дайте срок. Постараемся уложиться до холодов. Зимы тут суровые...

То есть самим соваться к местным жителям он не советует.

— Не хотелось бы промедлить при исполнении столь ответственных опытов, — вздыхает старший брат.

— Придумал! — старичок расплывается в улыбке. — Есть у нас один припадочный. В детстве самолично наблюдал подземный огонь. В расщелину заглянул некстати. С тех пор, бывает, заходится. Даже при виде обычного пламени. Мы о нём заботимся, предоставили уход за казённый счёт. Он уже близ управы и Облачную речь освоил. Так вот пускай и он без дела не сидит, и вам в помощь. Только вы его не пугайте.

— А говорят, ещё бывают миазмы. Они же ядовитые испарения... — начал было младший учёный.

— А как же! Порою в изобилии. Держитесь от них подальше, господа. Исключительно пагубно действуют на здоровье.

То ли обоим Ки одновременно почудилось, то ли гостеприимный старец действительно кивнул куда-то вглубь здания управы?

Затем господин Яцутакэ предложил обеспечить столичным учёным подобающую охрану. Ибо хотя места тут спокойные, ни смут, ни разбоя, однако же горы есть горы, дикие звери порою спускаются с круч. Им, может, тоже в диковинку медные шары на треногах... Ки заверили, что в случае нужды обязательно запросят

опытного следопыта — возможно, вместе с проводником.

— Вообще-то я охотно поохотился бы тут на дикого кабана! — мечтательно восклицает младший брат. — Тигров-то у вас тут небось всё-таки нет?

— Боги миловали, — сдержанно отвечает заместитель наместника, складывая пальцы в охранительный знак.

— А жаль, поистине жаль!

Но за исключением подобных мелких расхождений в оценках дикой природы, обе стороны обедом остались весьма довольны. Старший Ки многословно поблагодарил за угощение и пообещал подумать об устройстве отдельного приёма — с угощением, с выпивкой, с сочинением стихов подходящего содержания... Что может быть прекраснее, чем собрать десять-двенадцать просвещённых друзей и всем вместе воспеть горное уединение? Яцутакэ обещал непременно быть.

4. Недоумения

С заросшего лесом горного склона вершин Восьмиглавца почти не видно. Взглянешь вверх — справа и слева зелёные откосы с большими серыми и рыжими скальными проплешинами. Взглянешь вниз — и, если повезёт, разглядишь темную кровлю управы. А выше её уже и жилья почти нет — только старый храм да разбросанные на вёрсты горные хижины. После того, как носильщики сгрузили прибор и ушли, особенно остро чувствуется одиночество.

Учёные братья осторожно установили треножник на единственной ровной площадке, которую удалось отыскать. Ки-младший примерился с уровнем в руках.

— Вроде стоит?

Старший Ки опустил на колени, вытянул шею, заглядывая сбоку:

— Всё равно не ровно. Надо какой-нибудь камень, что ли, под северо-западную ножку.

— Легко сказать! А где тут северо-запад? И не разберёшь! То ли дело — в городе!

Наконец, отладили. Вдвоём, кряхтя, водрузили на подставку медный шар. Присели передохнуть.

— Любопытно, если сейчас и впрямь тряхнёт и мы вместе с прибором покатымся вниз — прошибёт он крышу управы?

Старший брат хмурится. Смотрит вниз, говорит успокаивающе:

— Нет, пожалуй.

Носильщики тем временем успели уйти уже на пару вёрст самое меньшее. Вернуться им велено не раньше, чем за час до заката, а пока можно спокойно побеседовать.

— И как тебе всё это нравится, братец?

— Не очень, — кисло говорит Ки-младший. — И прежде всего меня не устраиваешь ты, почтенный старший брат. Я — гуляка и буйан, делаю, что могу. А ты у нас — дамский угодник. И разве это заметно, скажи по совести?

— Легко ли угодничать, если мы тут пока ни одной женщины не встретили?

— А ты старайся! Я тоже ведь ещё — не то что головы ничьей не снёс, даже причёски не растрепал. А от меня уже шарахаются.

— Ну, хорошо. Если отвлечься на время от непочтительных упрёков старшим...

Младший Ки отвешивает смиренный поклон.

— Странное место, — продолжает старший. — Прежде всего, сама управа. С чего они вздумали построить её так высоко? И так далеко от дороги. Не среди населённых деревень и плодородных нив, не на реке, а чуть ли не в самом огнедышащем жерле. Неудобно!

— Смотря что. От дороги до казённых складов и от складов до дороги — столько всего можно растерять, ежели каждый тюк носить на руках...

— И добро бы только растерять. Я по пути с

постоялого двора видел по меньшей мере три поворота, отлично подходящих для разбойничьей засады.

Младший кивает:

— А охраны никакой. При такой управе по закону должно состоять три десятка стрелков и ещё пехота. А кого мы видели? Пару откормленных мужичков, да и те копье держать едва умеют.

— И что самое удивительное, - задумчиво говорит старший. — Я в Столице смотрел. Все эти два года подати из Верной поступают без задержек и в полном объёме. Выходит, не грабят?

— Какие-то разбойники поминались в одном из доносов. Или они на казённые грузы не зарились?

Старший брат встаёт:

— Давай-ка проверим.

Вдвоём открывают крышку прибора, вытаскивают свиток. На нём — печать Полотняного приказа, самого грозного из столичных ведомств. Развернули, сверились.

Ещё полтора года назад, зимой, наставник Итэммон жаловался на нового наместника. Главный недостаток господина Миёси, по словам лекаря, — подозрительность, сварливость, обидное недоверие к подчинённым и мелочная дотошность при личной проверке дел, не достойных его внимания.

— Из тех жалоб, что больше говорят о жалобщике, чем об обидчике, — замечает Ки-младший.

— Да. Но между прочим он тут упоминает участвовавшие разбои. Без подробностей. Не удивительно, что тогда его письмо оставили без рассмотрения. Нрав Миёси давно известен.

— Я в Столице господина Миёси ни разу не видел. Здесь – не сказал бы, что мнительный начальник. Иначе давно наши снасти и книжки велел бы обшарить. И особым брюзгою его не назовёшь, скорее, молчуном.

Старший брат задумчиво кивает:

— Мне доводилось присутствовать, когда его изволил принимать Конопляный господин. Сам я с ним,

конечно, не беседовал. Но, похоже, он действительно сильно изменился.

— Избегает столичных гостей. Стараются говорить как можно меньше. Прячется в темноте. Что это может значить? Болен дурной болезнью? Здоров, но боится заразы? Или это вообще не Миёси, а самозванец.

— Ну уж, братец. Я бы сказал, что — он. Но надо бы посмотреть поближе.

— Или то, на что намекал Таманобу. Снаружи Миёси, а внутри...

— Вот этого меньше всего бы хотелось, — старший брат морщится. — Тогда в самом деле лучше бы послали жрецов, а не нас.

— Наука по-своему тоже могущественна, — утешает его младший. — Кстати о Таманобу. С самого нашего приезда мною владеет обидное недоверие к нему.

— Тут я вообще ничего не понимаю. Младший служащий, доверенное лицо и любимец начальства, без спросу отлучился на два месяца. Допустим, сам наместник ему покровительствует и его покрывает. Но все остальные чиновники, у которых, судя по доносам, на наместника зуб, — они-то почему защищают его любимчика? Тот же обиженный лекарь: «Нет, что вы, письмоводитель Таманобу всё это время был здесь, я видел его ежедневно...» Или господин Миёси так всех запугал?

— Так глупо же! Добро бы скрывали отлучку парня от кого ещё. Но мы с ним ехали весь этот месяц. Тоже видели его ежедневно, мягко выражаясь.

— Глупо. Или безумно. Или страшно. Надо будет как-нибудь осторожно выяснить, а почему вообще тут так малолюдно. Куда делись казначей, начальник охраны и все остальные. По уставной росписи тут и половины положенных чиновников не наберётся.

— И если бы только чиновников, — начинает Ки-младший, но внезапно умолкает и прислушивается. Что-то прошуршало в зарослях ниже по склону.

Всё-таки соглядатай? Нет, просто лисица пробежала.

— В горах, среди диких зверей, пребываю в величайшем недоумении... — ворчит младший брат. — Ладно чиновники — слуги, слуги-то где?

— Верно. Не то чтобы к нам потянулись челядинцы Миёси с вопросами, что там в Столице, здорова ли их родня... Разве что все они подались на постоянный двор к нашему возчику, авось, он лучше знает. Но если они там третий день с ним пьянствуют...

— Немыслимое попустительство со стороны господина наместника, а никакая не подозрительность.

— Скажу уж кстати, братец. Ты бы не очень усердствовал по части браги.

— Я свою меру ни разу не превысил. С двух бочонков я бдительности не теряю.

— Ну ладно, — вздыхает старший Ки. — Но всё же странно. Поверишь ли, едва я смежу веки, передо мною рисуется страшная картина. Как едем мы сюда по дороге, а нам навстречу, только окольными тропами, хоронясь, робко пригнувшись, тянется в Столицу вереница местных доносчиков. Кто в казённом платье, кто в куртке слуги, кто переодетый крестьянкой. И мы ни одного из них не заметили!

Теперь уже явно не лиса — от неё такого звону быть не может. Младший учёный вскакивает, бросает свиток обратно в сосуд, поспешно задвигает крышку. И вовремя: на тропе ниже по склону показалась сперва голова, повязанная платком, потом широченные плечи, потом целый детина. В руке — посох с железными кольцами, справа у пояса — чётки, слева — меч. Рожа такая, что Ки-младший рядом с ним — скромный утонченный книжник. Детина озадаченно посмотрел на треножник с прибором, громыхнул по земле посохом, возгласил:

— Слава просветлённому Амиде, Неизмеримому Свету!

Учёные переглянулись и сочли за лучшее согласиться: да, конечно, слава.

— А что вы, добрые миряне, тут варить собрались?
— полюбопытствовал горный монах.

Ки-старший рад просветить встречного. Изложил цели и задачи их исследовательского похода — только в более учёных словах, чем накануне и третьего дня, чтоб слушателю поскорее надоело. И со своей стороны осведомился, не из местной ли обители держит путь наставник Закона.

— Нет. То храм казённый, а мы с ребятами отшельничеству предались. Вкушаем одни дикие коренья.

Пришлось поделиться обедом, прихваченным с собою. Об извержениях отшельник ничего путного рассказать не умел, зато поведал, как Восьмиглавец стал собственно восьмиглавым. Раньше, мол, был Одноглавцем, самой высокой горою Облачной страны. Пока не начал в гордыне своей препираться с Неизмеримым Светом.

— И тут Амида его как хрястнет по макушке — вот так!

И показал посохом, как. Убедительно. Можно поверить, что голова у горы расселась на восемь вершин и в этом виде пребывает поныне.

— Тут у нас строго! — заключил монах наставительно. Потом поблагодарил за угощение и величаво удалился.

— Хотел бы я знать, — произнёс Ки-старший, провожая его взором, — почему именно этой братии господин наместник изволил уделить более одного слова?

— Не возьмусь ответить с достоверностью, — поджал губы младший учёный. — Но в следующий раз надо будет взять с собою оружие.

5. Припадочный

Побеседовать с припадочным в храме учёные отправились без измерительных снастей, но с лекарем. Пытались объяснить, что обойдутся сами, но наставник

Итэммон заявил: забочусь не о гостях, но о недужном, которого лечу.

Храм когда-то в старину заложен был по всем правилам, как главная обитель Закона в земле Верной. Но то ли средства кончились слишком рано, то ли когда-то в давние времена храм сгорел и отстраивался наспех, только нынче он на мощном своём основании выглядит каким-то тщедушным. У ворот сторожевые каменные звери, один раненный: с выбоиной на загривке. Должно быть, попало камнем при извержении. Внутри за воротами, однако, чисто, на всём печать старины. Никого из монахов не видно, паломников тоже. Но башня стоит, и колокол на звоннице цел.

Припадочный обитает один сразу в нескольких кельях, как какой-нибудь знаменитый наставник в столичной обители. И тоже кажется мелким среди утвари, расставленной в его жилище и рядом во дворе: курильниц, коробов со свитками, заготовленных заранее надгробных памятников и прочего.

На учёных посмотрел с сомнением, но, кажется, за толпу не счёл. Предложил угостить горным листом, заваренным в кипятке: якобы самое полезное зелье от всех недугов настоящих и будущих. Лекарь одобрил и сам отведал.

Больной тут явно обжился: и посуда, и постель, и жаровня. Монах он или нет — по виду не поймёшь: платье вроде мирское, голова скорее плешивая, чем бритая. А сам ещё вовсе не стар. На Облачном наречии действительно говорит вполне внятно, хотя и не слишком охотно. Особенно о том, как заглянул когда-то в трещину с подземным пламенем.

— Страшно было. И стыдно.

— Почему?

— Я не сразу понял, что увидел. Сперва решил было — огненный ад, о котором наставники рассказывали. Потом пригляделся — нет, гораздо хуже.

— Как это — хуже ада?

Припадочный замялся, отвёл глаза, пробурчал

что-то под нос. Но Ки-старший смотрит на него пристально, глаз не отводит, ждёт ответа. Наконец, недужный проворчал:

— Нутро божье. Хворое.

Этого столичные гости не ожидали. Боги людям воочию являться не любят, непосильное это зрелище для человеческого взора. А уж чтобы так...

— Восьмиглавец — он ведь как мы, — вздыхает припадочный. — Болеет.

— Отчего ж так?

— Ну... оттого, что люди его — злые. А карать — жалеет, сдерживается. Потому и больно ему. Всё кипит внутри.

В общем, это полностью соответствует научным воззрениям. Все бедствия, в том числе и горные извержения, - от людской несправедности, удручающей богов. Выходит, сие и простецам в глуши очевидно!

Подробнее припадочный рассказывать не захотел, на расспросы начал ёжиться, трястись, так что наставник Итэммон решительно остановил исследователей. Старший Ки настаивать не стал, согласился. Пожелал осмотреть храм и сложить несколько строк об этой уединённой обители, трогающей сердца своим старинным духом. Младший остался в келье. Лекарь заколебался — одного ли провожать, с другим ли остаться. Выбрал всё же не покидать больного.

Ки-младший тоже расспросы прекратил, пьёт целебный настой. Пахнет эта жижа довольно сильно и противно. Видимо, привычка нужна, чтобы как эти врач и недужный опрокидывать чашку за чашкой.

Припадочный успокоился неожиданно быстро — и даже вдруг разговорился, только уже не о себе.

— Грехов людских — их меньше не становится. Потому и живу здесь, при храме, как в укромной норе. Спокойнее.

— Несмотря на то, что тут вроде бы и монахов не осталось?

— Именно.

У старшего брата со стихами, похоже, не заладилось — нет его и нет. А недужный продолжает:

— Я сердцем чувствителен, телом слаб. Вот господин письмоводитель из управы — тот, похоже, быстро оправился, хоть, думается мне, и больше моего успел повидать. Стойкий отрок!

— Знаешь, — качает головою младший учёный, — после того, что ты описал... Представить не могу, что бывает ещё страшнее.

— Я-то снаружи смотрел. А он... Прямо там побывал. Провалился.

— Ох. Когда же это?

— Прошлым летом, как раз об эту пору. Ведь говорил я ему...

— А он? По глупости, из любопытства?

— Не знаю. Он говорит, нечаянно. А я думаю: может, и из благочестия. Такого вот.

В книгах есть старинные рассказы про то, как люди бросались в огонь или в плавильные печи. Чтобы избыть общую беду. Например: древний царь велел отлить колокол, работа не задалась, царь пригрозил переказнить плавильщиков и всё селение, и тогда жена главного мастера кинулась в печь, плавка пошла, колокол удался, остальные уцелели. Но то — за морем и в старые времена. А чтоб у нас?

— Письмоводитель сам толком не помнит, что с ним было в те дни, — вмешивается наставник Итэммон. — Пропал, его искали, найти не могли. Потом уж узнали, что он сюда ходил, тоже, вроде вас, спрашивал больного. Решили, что провалился в горячую трещину, тут уж ищи не ищи... А через семь-восемь дней объявился, весь серый от пепла, в синяках, но даже волосы не обгорели. Как пришёл в себя — не мог рассказать, что с ним было; только, мол, помнит, как блуждал в глухой безвыходной теснине под землёю. Без еды, без воды — там бы и помер, да, говорит, увидел: лисица крадётся. Пошёл за ней следом, увидел, как она

на белый свет выскользнула. Расширил её лаз, выбрался — и свалился. Там его и нашли. Но всё верно, юноша завидного здоровья, на редкость быстро оправился. Случай, достойный упоминания в сборнике примечательных рассказов!

— Праведный он потому что, — кивает припадочный. — Лисицы-то — они ж не просто звери. Гонцы Самого!

И вздыхает:

— Только с тех пор он ко мне больше не заходит...

— Ничего удивительного, — подтверждает лекарь. — Господин наместник теперь глаз не спускает со своего письмоводителя. Тогда-то сомнения были, нечаянно парень провалился или нет, и вообще — сам ли?

— Господин подозревал, будто его человека хотели убить?

— Не могу знать. Но с тех пор молодой Таманобу под сугубым присмотром. Господин наместник и прислугу почти всю отослал в своё южное имение, и даже когда казначей в отпуск запросился — без разговоров отпустил.

И вдруг спохватился:

— Надобно посмотреть, как там твой учёнейший брат. Здесь иные постройки ветхи, рушатся порой без всякого подземного сотрясения.

Ки свёл брови:

— Мне показалось — или господин лекарь и полу-гадатель изволят проверять, насколько мы с братом храбрые люди?

— В вашей храбрости я не сомневаюсь, — поджимает губы Итэммон. — К сожалению. Но вас поселили у меня, и в случае чего с меня и спрос будет.

Надо отдать должное старшему Ки: из всех построек он выбрал самую новую и прочную: помост для храмовых плясок. На опорном столбе его теперь красуется надпись. Ки, по обычаю учёных, сложил не краткую песню на родном наречии, а китайское

стихотворение в несколько десятков строк.

Младший прочёл, скривился:

— Не выйдет из тебя Ракутэна, братец.

Старший переводит глаза с брата на стихи: неужели ошибся где-то, слог пропустил?

— Чтобы сравняться с великим Ракутэном, — наставительно молвит младший брат, — надобно сперва сложить десять тысяч строк о выпивке и о бабах. Тогда твои благочестивые размышления будут выглядеть свежо и необычно.

Прежде чем старший учёный успел обидеться, лекарь прислушался и внезапно бросился в келью. Оба Ки — за ним: неужели припадок? Нет, просто, видимо, и с целебным зельем надо знать меру: недужного отчаянно тошнило, но в судорогах он не бился и пены не испускал. Итэммону, однако, пришлось остаться с ним, а братья двинулись в обратный путь вдвоём.

— Ты впредь при людях всё-таки полегче, — сухо заметил старший. — Если мы станем выставлять друг друга на посмешище, это едва ли нам поможет.

— А, ну если это я выставил тебя на посмешище, братец — нижайше извиняюсь, — поклонился Ки-младший.

Старший надулся было, но подумал, махнул рукавом и понизил голос:

— Кстати, я не зря заранее выписывал эти строки. В этом захудалом храме есть на что посмотреть. Скажем, кладовые тут очень надёжно заперты и, судя по всему, полным-полны.

— Кладовые? Прямо в храме? Устав не позволяет монахам делать запасов.

— То-то и оно.

6. Письмоводитель

Когда юношеством овладевает жажда знаний, это бывает страшно. Причём чем моложе любознательные юнцы, тем страшнее. Детям наставника Итэммона от одиннадцати до четырёх лет, и все — оба мальчика и

обе девочки — не могут удержаться от того, чтобы лезть к прибору братьев Ки. Старшие могут свернуть крышку, залезть внутрь и учинить там неустранимые повреждения. Младшего вообще может насмерть зашибить котлом. Никакие угрозы не действуют, даже когда Ки-младший рычит, подобно тигру. Поэтому старший брат пошёл другим путём.

С утра он уселся у стеночки, возится с чем-то совершенно бесшумно. Дети один за другим подтянулись — и тоже ведут себя на удивление тихо. Только изредка доносятся придушенные возгласы:

— Зайка!

— Птичка!

— Сам ты птичка! Это фазан!

— А это — чайник?

Когда пришла кормилица младшего, присматривающая за ребятами в отсутствие лекаря, на неё не обратили никакого внимания. Сидят, пыхтят, что-то крутят в руках. Все сосредоточены, все довольны, особенно учёный Ки.

Младший брат подошёл, взглянул тоже. В руках у всех пятерых — тряпицы с хитрыми узлами. Не поймёшь, что это такое. Старшая девочка надела один узелок на палец, протянула руку к перегородке, против света — ба! На стенной бумаге — тень, да не руки и не тряпки, а кота, и кот даже шевелит ушами и хвостиком!

— Правильно! — одобряет Ки-старший.

Остальные начинают ожесточённо вертеть свои тряпицы. У старшего мальчика получилась собака — правда, с тремя передними лапами. Но всё равно все довольны. А Ки тихонько поднялся и ускользнул к младшему брату — дети и не заметили, уже друг друга учат и показывают, что выходит.

— Этого должно на пару дней хватить, — удовлетворённо говорит старший учёный.

Второй глядит на него так, будто старший брат с кем угодно готов играть, а вот с ним, с собственным младшим братишкой, в детстве не играл ни разу,

чванился и пренебрегал.

— Не прогуляться ли нам? — спрашивает.

Ки-старший с сомнением выглядывает во двор. Сегодня так жарко, что даже спозаранку решено было не отправляться на изыскания. Чтобы прибор не раскалился и чтобы сами учёные не сомлели. К тому же к часу Лошади наверняка разразится гроза. Но младший вручает ему лекарев зонт, настойчиво берёт за рукав и выводит из дома.

Молча доводит до роши на горном склоне, что позади управы. Тут хотя бы какая-то тень есть, и вид красивый — зелёные огороды, серые крыши.

— Прекрасно! Прекрасно! — покачивает зонтиком Ки-старший, всё ещё в хорошем настроении. — Будь я поэт — непременно сложил бы краткую песню, глядя отсюда.

— Во-первых, не забывай: ты у нас и есть поэт, — мрачно отвечает второй Ки. — Во-вторых, хоть я и силен скорее в стрельбе, чем в плетении словес, но кое-какой донос составил бы. Отличное место для наблюдений — весь посёлок как на ладони. Вот, например, оружейный склад — опять без часового. Кстати, любопытно, а где тут хранится земельная казна? Если она ещё есть. Или вот: посреди служебного дня письмоводитель Таманобу прогуливается с рассеянным видом...

— Может, он как раз и слагает стихи. Или пытается вспомнить свои подземные злоключения.

— Если они не выдумка, — Ки-младший сегодня настроен подозрительно.

— Что-то не так? — наконец спохватывается старший брат.

— Всё так. За исключением того, что мы по-прежнему ничего внятного не обнаружили. И кроме того, братец, что ты годами сотрясал столицу неотразимостью для дам — но здесь являешь только подозрительную приязнь к малолетним детям почтенных служащих! Мы так не договаривались.

— Лучший способ пленить сердце дамы, неважно,

есть у неё дети или нет, — показать себя ласковым с малышами! — наставительно поднимает палец старший.

— Это было бы уместно, если б наставник Итэммон был женат. Или тебе понравилась эта его служанка-деревенщина?

— А вроде хорошая женщина.

— Фи!

— Для меня естественно питать нежность к ребятишкам, — брюзжит старший учёный. — С твоей лёгкой руки уже вся управа знает о дюжине моих внебрачных отпрысков.

— Ну да, тут я, пожалуй, перестарался... Приношу нижайшие извинения.

— Ладно. Достойный предмет воздыханий я поищу. Хорошо бы — ещё и осведомлённый о здешних сложностях.

— А, все женщины — сплетницы!

Письмоводитель Таманобу, отлынивая от службы, тоже отправился искать прохлады в роце на склоне. При виде братьев, однако, шарахнулся.

— Отраднo видеть недавнего спутника, — говорит Ки-младший с угрозой в голосе. — А то мне уже начало казаться, будто молодой господин гнушается нашим обществом.

Таманобу кланяется. Не подымая головы, молвит:

— Вы, пожалуйста, ничему не удивляйтесь. Я же говорил, у нас тут странно стало. Не всюду и не при всех можно выражаться напрямик.

— Это мы заметили. Здесь-то — можно?

— Пока да. Но если я начну некстати что-то нести, не взыщите.

— А чего ты боишься?

— За господина Миёси. Вы же сами видели.

— Не больно там что-то разглядишь...

Старший добавляет:

— Мне показалось, господин наместник сам чего-то опасается. И не только нас.

Письмоводитель молча кивает. Младший Ки

продолжает:

— Ну, это не удивительно. Впервые вижу наместника без охраны. Кто за неё отвечает-то?

— На время отсутствия господина воеводы — господин заместитель наместника.

— А воевода куда делся?

— Принял постриг и удалился в горную обитель. Отшельничать.

— Очень мило, — качает зонтиком старший учёный. — А в Столицу отправили запрос о назначении нового воеводы?

— Нет. Видите ли, это пострижение едва ли будет признано в Столице законным. Господину наместнику по правилам не следовало такого допускать. А теперь уж...

— У вас здесь вообще кого нихватишься... Казначей вот тоже не видать.

— Господин казначей пребывает в паломничестве. К святыням Облачного края.

— Тоже самовольно убыл?

— Нет. С разрешения господина наместника. Тут ему стало небезопасно.

— Мне это нравится! — восклицает младший Ки. — Казначейу стало небезопасно за отсутствием воеводы. Воеводе без казначейу стало — голодно, видимо, ежели жалованье никто не выдаёт. Одного лекаря не выжили ещё!

— Ему уходить нельзя, — серьёзно говорит Таманобу. — Нездорово тут у нас.

— Верно ли я понимаю, — спрашивает старший, — что и дела казны, и, скажем, дорожные работы теперь тоже взял на себя заместитель наместника?

— Именно так. Он исключительно... деловит. И неутомим.

Братья переглядываются. Старший вздыхает:

— В Столицу, не то чтобы полноводным потоком, но всё же текут жалобы на положение дел в Верном. Здесь же, кого ни спроси, никто ни на что не жалуется,

а если и жалуется, то так уклончиво — мало что можно понять. Ты-то чего ожидал, когда приезжал с дурными вестями? Полную государеву проверку с вооружённым отрядом и чиновником четвёртого разряда во главе?

— Я не знаю, — печально отвечает Таманобу. — Я надеялся на родню господина наместника. И на то, что, может быть, сам Властитель Земель...

Ки-младший непочтительно присвистнул:

— Ты словно не в Столице вырос! Столь смутными вестями и противоречивыми жалобами беспокоить Государя — никак немислимо!

— И гласное расследование тоже имеет свои недостатки, — дополняет старший брат. — Ну, вот прибыла бы сюда проверка со всеми полномочиями. Первым делом у всех чиновников, от господина наместника до тебя, отобрали бы все печати и все бумаги. Земля Верная велика, расследование продлилось бы не менее полутора лет, если с соблюдением всех должных предписаний. Собирать подати в течение этого срока, разумеется, никто не был бы вправе. С другой стороны, подати поступать должны, а если не поступают — это грубейший недосмотр наместника. В общем, первый, кто при таком следствии потерял бы место, а то и в ссылку угодил — это как раз господин Миёси. Легко понять, что его родичам подобный ход событий представляется недопустимым.

— Понимаю, — кланяется письмоводитель. — Позволят ли учёные наставники мне, невежде, дать им совет?

— Не только позволим, но и попросим о таковом! — нетерпеливо откликается Ки-младший.

— Ваши снасти таскают туда-сюда носильщики из местных поселян. Усердие простолюдинов заслуживает поощрения. Думается, если бы господа учёные выставили им бочонок-другой... И не побрезговали выпить с ними вместе... Сказано же: мудрец прислушивается к чаяниям народа.

— Это можно бы, только если у этих горцев и

развяжутся языки — поймём ли мы что-нибудь на местном наречии? Или ты сам переводить будешь?

— А может, и не потребуется переводчик. Порою разница говоров обусловлена не природой, но воспитанием. И благоразумием.

— Совет хорош, - кивает старший Ки. — Благодарим.

В первый раз за этот разговор письмоводитель улыбается. Одичал юноша в этих краях, даже зубы перестал лакировать, как подобает приличному чиновнику. Отвешивает поклон, бросает взгляд в сторону управы — и поспешно направляется вниз по склону.

Опустив зонтик, старший Ки присаживается на корточки на месте, где только что стоял Таманобу. Поднимает сложенный лист бумаги. Это письмоводитель обронил из рукава. Разворачивает, читает, передаёт брату.

Горы — опора небес, благопристойность — опора порядка. Ведомо ли господину наместнику, что его доверенный письмоводитель Таманобу, пользуясь благочестивой отлучкой господина казначея, тайком посещает покои супруги последнего? А между тем известно: разврат пагубен для Светлого начала в служилом человеке, притупляет способности и сокращает жизнь, особенно в незрелые года. Злополучный юноша, нужно ли скрывать, и без того подорвал своё здоровье — стоит ли усугублять сие? Кроме прочего, иные говорят, что у письмоводителя есть соперник, нрава буйного и несдержанного! Далеко ли до беды? Нижайше прошу принять меры.

— Любопытно, это письмоводитель перехватил донос на самого себя, — размышляет Ки-старший, — или наместник ему отдал и велел разобраться?

— Как бы то ни было, один вопрос решён, — заявляет младший брат. — Теперь мы знаем, кто из местных красавиц пользуется неизменным успехом. Можно ли заставить местных усомниться в

проницательности столичного распутника?

— Никак нельзя... — тяжело вздыхает Ки-старший.

7. Брага

За эти дни всяким успел наставник Итэммон повидать младшего Ки: и лихим хвастуном, и грозным гневливцем. А тут с вечера столичный учёный приуныл, помрачнел, молчит, спать улёгся едва не засветло, и то всё ворочался. А утром — и не встал. Лежит, завернувшись в верхнее платье, и в глазах — неизбывная тоска. Старший брат сидит рядом, тоже вздыхает.

Лекарь, конечно, осведомился, хорошо ли столичный гость себя чувствует. А тот и отвечает скорбно:

— Не изволь беспокоиться, здоров я. Только вот за дело приняться не могу, и стыдно мне своего безделья.

— Что ж тому причину?

— Прискорбная нехватка припасов. Как из Столицы отправились — не разочли, сколько всего в столь дальний путь понадобится.

— Братец, — подаёт голос Ки-старший, — уместно ли надоедать гостеприимному хозяину такими сетованиями?

После этого Итэммону ничего не оставалось, как заверить: уместно! — и уточнить, чего же столичным учёным недостаёт.

— Безделицы! — несколько оживился младший брат. — Одного-двух бочонков браги. А лучше бы — три.

— Речь, разумеется, идёт о покупке, — уточнил Ки-старший. — Казённые расписки календарного ведомства у нас есть.

— Это что же — прибор ваш без браги не действует? — строго спросил лекарь.

— Хуже! Я — не действую!

Итэммон объяснил весь вред пьянства; старший Ки кивал, младший стонал. Пришлось отправиться в управу с запросом насчёт нужд гостей. Заместитель

наместника охотно дал разрешение отпустить учёным браги с казённых складов.

Получив свои три бочонка, Ки-младший немедленно ожил. Один оставил про запас, а два велел носильщикам прихватить вместе с медным шаром и треногой, и братья отправились продолжать изыскания.

По пути в горы носильщики, может, и ворчали по поводу лишней ноши, но учёные их наречия не разумели. А прибыв на подходящий уступ, братья Ки велели осторожно разгрузить носилки и объявили, что рабочими они премного довольны, рвение их находят похвальным и по такому случаю желаю всех четверых угостить. Сообщил старший Ки всё это на чистой Облачной речи, с изысканным столичным выговором — и гляди ж ты, все всё сразу поняли.

Всегда приятно, когда твой труд ценят, а ещё более лестно, когда важные господа не чинятся, а сами с рабочим людом выпивают. Чарочку за чарочкой...

Буяны с браги становятся вспыльчивы, плаксы начинают лить слёзы, а у людей образованных разыгрывается любознательность. Начали с вопросов благочестивых: о местном храме. Оказалось, настоятель не то чтобы тайно ускользнул, покрытый мраком, в горные тущобы. Нет, созвал всю братию на собрание и объявил: так, мол, и так, недостоин я учить вас Закону примером и наставлением, мне бы, мол, свои грехи избыть. Слез с высокого сиденья, взял посох и, не слушая мольбы и не отирая слёз остальных монахов, ушёл. Они за ним три версты следовали, просили остаться, заверяли, что без него закосятся в невежестве. Не умолили. Поселился настоятель в горной чаще, живёт едва ли не в дупле, как филин, и неустанно предаётся сосредоточению. А что он кушать изволит — даже и неведомо.

— И вишь ли, господин, — рассказывает самый здоровенный из носильщиков, ражий, обросший, как дикарь, — из этого и вышли и пример, и наставление.

Монахи один за другим потянулись следом, тоже отшельничают, кто где. Сперва хотели близ настоятеля обустроиться, но он их шуганул. Настоящий подвижник!

— Но что же его милосердные деяния? — спросил старший Ки. — Вот, скажем, в неурожайные годы — помогает ли храм народу?

— А как же, помогают, — закивал другой малый, мосластый и востролицый. — Вот прошлый год в засуху Дождевика заклил. Обошлось без неурожая...

Братья Ки узнали много подробностей о нраве здешнего дождевого бога, — нелёгком, как выяснилось, нраве. А вот о храмовых складах — ничего: похоже, запасами оттуда никто не делился.

Чарочка за чарочкой...

— Надо сказать, немного с того дождя да урожая радости вышло, — заметил третий носильщик, смуглый и угрюмый. — Всё собрали, подать сдали, только потащили к большой дороге, чтоб там перегрузить да к вам в Столицу направить — и нате!

— Что такое?

— Что-что... Разбойники! Накатили с гор целым воинством, ребят разогнали, только что не перекалечили, груз захватили — и были таковы. Вот, Таро тогда мешки таскал, — он кивает на дикообразного товарища, — еле жив ушёл!

— Позвольте, — хмурится младший учёный. — Но разве груз не сопровождала охрана? Пешие и конные стрелки?

— Конных не было, кони там просто не пройдут, — поясняет Таро. — А пешие стрелки были, конечно. Только что ж они поделаться с лиходеями-то могли?

— Как что? Отстреливаться!

— Так они ж не умеют. Только стрелам бы перевод вышел, а стрелы-то казённые.

— Не вполне понимаю, — поднимает брови старший Ки. — Охранники, обученные воины на довольствии — и не умеют стрелять? Откуда ж вам таких прислали?

— Тут вишь ли, господин хороший, — поясняет мосластый, почтительно приподнимая чарку и опрокидывая её, — обученных-то давно нет. Ещё от запрошлого наместника вышла милость: в уважение местных старых семей, брать в охрану тутошних парней. И нам почёт, и казне береженье: жалованье, может, и половинное, да ещё и подарки за такую милость не в год окупятся... А всё же — приход, и тем же часом и по хозяйству всё успеть можно.

— Так... А стрелять этих парней, значит, так и не выучили?

— Как можно! Они хоть и из хороших семей, у кого и родня есть на полной государевой службе — но сами-то всё ж мужики, вроде нас же. Кто ж их учить-то станет? Объявят потом мятежниками — и воеводе беда, и нам всем!

— Кстати да, — говорит Ки-младший, — а что ж воевода?

— А он к тому времени тоже грехи свои осознал. Подался в горы, молиться. Иные говорят — с новым начальством не поладил, а иные — тронул его сердце пример настоятеля.

Чарочка за чарочкой...

— И что ж, так всё и пропало? Весь годовой сбор? Это ж какая у вас недоимка должна была выйти! — сочувственно качает головой старший брат.

— Ну, ту нам на начальство наше пенять грешно. Понятно, что из-за разбойников этих всех нас в землю вогнать могли. Ну, господин Яцутакэ, заступник наш, говорит: «Вы уж поднатужьтесь, наскребите по новой хоть с половину украденного. А остальное мы, служилые люди, доложим — от самого господина наместника до последнего охранника. За счёт нашего жалованья». И не соврал. В срок уложились — обошлось.

— Как раз из вояк наших один ворчал, — вставляет Таро, — что ему, мол, теперь ещё три года вообще без жалованья обходиться придётся. Ну, мы его усовестили.

Чай, и так не голодранец, двоюродный племянник доброго господина Яцутакэ!

Чарочка за чарочкой...

— А Расскажи-ка, Таро, — спрашивает уже изрядно захмелевший Ки-младший, — какие они были, эти разбойники?

— Ох, страшны! Ростом — с сажень каждый, оружием лязгают, горлом улюлюкают, кричат, как дикие звери — ничего не понять. Сдаётся мне, среди них и горные демоны были... У одного я вот этими глазами видел рог! Один, правда.

— Ужасно! Ужасно! — переживает старший учёный. — А что ж по этому поводу сказал благочестивый настоятель?

— Что ж он мог сказать? Ничего, конечно. Он за всех нас, пустомель, обет молчанья держит который уж год.

— Но сердцем скорбь нашу чувствует, — поднимает грязный палец четвёртый, самый тихий носильщик. — С тех пор рогатых демонов никто не видал, не сглазить бы!

Братья Ки попробовали и о молодом письмоводителе порасспросить — но тут не узнали ничего нового. Да, пропадал парень, вроде как внутри горы побывал, но с деревенскими, понятно, о том не толковал. И ни в какую столицу не отправлялся — весь год тут безвылазно сидит, старается при господине наместнике.

Чарочка за ча... Вдруг носильщики притихли, чарки до ртов не донесли, согнулись в земном поклоне. Братья повернулись в ту же сторону — нет, никто из начальства вроде бы не пожаловал. Только идёт по тропинке сухонький старичок, в чём душа держится. Платье монашеское, потёртое да поношенное, в руке — посошок, голова бритая, но уже немного обросшая седой щетинкой. Прошёл мимо, глянул через плечо укоризненно. И скрылся за поворотом.

— Вишь? — шёпотом молвит мосластый. — Это ж он

и был! Святой настоятель!

А чуть приотстав от настоятеля, за ним следовал другой монах — помоложе, хотя тоже уже далеко не юноша, крепкий, с каким-то угловатым черепом и клинком за поясом. Покосился в сторону пирующих, отвернулся, поспешил дальше. То ли верный ученик, то ли телохранитель, то ли соглядатай.

И вся гулянка после этого как-то скисла. То ли носильщики усовестились, то ли и впрямь решили, что им уж довольно... До вечера братья их отпустили, велев вернуться за пару часов перед закатом — нести обратно медную снасть.

— Как хорошо, что Верный край не имеет немирных соседей, — заметил старший Ки, оставшись наедине с братом. — При такой постановке дела у нас в Запроливье уже всё дикари захватили бы.

— А тут, выходит, демоны вместо дикарей, — откликнулся младший. — Взымают в свою пользу Государеву подать.

— Неудивительно, что воевода предпочёл исчезнуть.

— Больше того, — младший учёный внезапно улыбается, — теперь и с остальным начальством многое прояснилось. Я все эти дни переживаю: как господину Миёси помочь, если он ни говорить с нами не желает, ни даже видеть нас? Не поймёшь, в своём он уме или действительно обезумел? А теперь — всё понятно! Потерять всю годовую подать — хуже некуда! Не удивительно, что ему страшно и стыдно людям лицо показывать.

— Добро, если будет по твоему слову, — задумчиво произносит старший брат. — В смысле — если хуже и впрямь не будет.

— Что меня в тебе восхищает, братец, — это что ты всегда надеешься на лучшее!

8. Красавица

Казначеев дом — близ самой управы. Конечно,

сразу туда заявиться в отсутствие благочестивого хозяина немислимо: так что Ки-старший с дочкой наставника Итэммона сперва послал туда письмо, привязав его к ветке растения с лекарского огорода. Вообще это отчаянный шаг — посылать ветку, не зная, как этот куст здесь называется: вдруг зловеще? Но цветочки красивые, а сейчас, в разгар лета, мало что уже цветёт.

Госпожа казначейша соизволила ответить немедленно, с той же посланницей. Почерк хорош. Томится, мол, в уединении вдали от вестей из Столицы, какая бы птица ей их донесла? Лекарская девочка, пока ждала ответа, рассказала казначееву сыну о теневых зверушках; тот напросился в гости и другим разболтал. Так что пожаловал не один, а с ещё одним парнишкой постарше, лет девяти-десяти, нарядным, круглым, осанистым.

Этот поклонился, разогнулся и сразу:

— А ну-ка, что у вас тут за звери?

Итэммоновы ребята начали показывать — уже сами, без помощи Ки. Казначейский мальчик посмотрел, попробовал сам — с непривычки плохо выходит. Лекарята хихикают, он дуется.

Старший гость сам за тряпки не берётся. Смотрит снисходительно:

— Это для мелких.

— Это столичная игра! Господин учёный, скажи ему!

А он кто? — шёпотом спрашивает старший Ки. Внук господина заместителя, — объясняют дети.

Мальчик и слушать не стал. Пошёл прочь, на ходу бросил:

— Вы тут поосторожнее. Мало ли что...

— А ты чего распоряжаешься?

— А я как вырасту, тут главным буду. Будто не знаете.

Никогда не женюсь, — бормочет младший Ки. — Взрослый может соблюдать хотя бы показную

скромность, но дети и внуки его выдают.

Старший брат даже смутился. Набелился, переоделся — и ближе к ночи собрался-таки наведаться к казначейше, в качестве столичной птицы.

В саду у казначея темно, однако на женской половине теплится огонёк. Ки расположился на крыльце. Двери раздвинуты по жаркой погоде, внутри виден занавес — нарядный, но уже несколько потёртый. Из-под него выглядывают подола платья, в тех цветах, что носили в Столице лет семь-восемь назад. Похоже, сынок у казначея родился уже здесь.

Учёному передают закуски: обильные, разнообразные, но нельзя сказать, чтобы разложенные с безупречным вкусом. Старший Ки отведал: вкусно. Остатки разложил покрасивее. Выпил. Рассказал о новейших назначениях, о новых постройках в Столице.

— А свадьбы, свадьбы-то?

Голосок у казначейши тонкий, трепетный.

Послушала о свадьбах. У кого сыновья, у кого дочки.

— А как там Податная госпожа с Седьмой улицы, поправилась ли? А барышня Конюшенная с Девятой, видать, уже расцвела?

Ответить затруднительно: даже если знать место службы родичей и расположение усадьбы, трудно понять, о которой даме идёт речь. Должности меняются, чиновников переводят из ведомства в ведомство, семьи переезжают... Впрочем, Ки откликается непринуждённо:

— Ах, барышня Вечерняя Дымка... О, да, госпожа Жемчужный Сундучок...

Эти прозвища меняются ещё чаще, и знаменитому дамскому любезнику, разумеется, положено знать их все. Если он и выдумывает половину новостей — не подловишь!

— Но скажите же, за кого вышла замуж барышня Тома? Помнится, у ней было четыре жениха...

— В итоге — за пятого, — отвечает учёный

неожиданно мрачно.

— И кто же счастливец?

— Сыщик Полотняного приказа.

— Ах! Ужас какой!

— Совершенно бесчувственный служака. Однажды мне довелось беседовать с бедняжкой об этом... Она в отчаянье. Но хоть дети у неё хорошие.

Сквозь занавес видно, как казначейша грозит пальчиком: да ты проказник!

Постепенно вопросы хозяйки становятся реже, любопытствует как-то вяло, врасстановку. Значит ли это, что светская беседа подходит к концу и пора переходить к решительным действиям? Служанка за перегородкой посвистывает и даже похрапывает громко и выразительно: видимо, самое время!

И только столичный гость начал, потихоньку продвигаясь на коленках поближе к занавесу, говорить длинную и изысканную двусмысленность, как вдруг — земля колыхнулась. Счастливая примета! Толчок слабый. Такие в Столице случаются по пять-шесть раз в году, хотя здесь в горах ощущение немного другое. Госпожа взвизгивает, учёный, не теряя времени, перекачивается к ней за занавес. Шепчет решительно:

— Прежде всего, во избежание пожара, гасим огни!

Возражений не последовало. Кажется, казначейша полностью положила на многоопытного гостя. Отчасти даже в прямом смысле слова. Плохо только, что господин Ки запутался в её длинном китайском поясе. Ох уж эти устаревшие обычаи, кто же сейчас так носит... Неудобно!

Земля вроде бы больше не дрожит — зато раздаётся какой-то грохот и звон в саду, у самого крыльца. Крепко спящая служанка громко и отчётливо ойкает. Слышно, как у крыльца кто-то небрежно разувается. По звуку — не лёгкие чиновничьи сапожки, а грубые, как половик, сандалии, какие надевают для странствия по горам. А звенят, не иначе, кольца на посохе. Хотя вообще-то монахам не положено собирать

милостыню по ночам.

— Исключительно не вовремя! — в самое ухо учёному шепчет казначейша. — Давай быстро туда, в северо-западный угол! И не скрипи створкой, а то нас обоих поубивают!

Могло быть ещё глупее, — думает Ки, пытаюсь определить, где какая сторона света. — В базарных историях иных незадачливых любовников и в циновки закатывали... Наконец, нащупал подавшуюся под рукой раздвижную створку, хотя не скрипнуть не получилось. А за занавесом уже гудит звучный, знакомый голос:

— А вот и я — Внезапное Озарение!

Госпожа шуршит платьями, видимо, поспешно приводит себя в порядок. Откликается недовольно:

— Не шуми — дитя проснётся от такого крика! И вообще, ты не совсем ко времени. Мне неможется...

Можно было предупредить, что за этой перегородкой пол почему-то на добрых две пяди ниже. Темно, тесно, пробуешь повернуться — на что-то натыкаешься. Учёный осторожно подполз к внешней стене — ба, да она бревенчатая!

Надобно запомнить: не укрепляющие пилюли надо брать с собою на любовное свидание. Не мягкую бумажку. А совочек, для рытья подкопа. Может пригодиться!

Монах голоса не понижает — гласит так же зычно, как несколько дней назад в горах:

— А ты воззови к Чуткой ко Звукам — и всё пройдёт! А то у меня времени мало!

Да, от этакого соперника отделаться непросто. Если дело дойдёт до стычки — посохом в комнате не особо помашешь, но Ки-то и вовсе безоружен. Начал ощупывать вокруг себя — вдруг подвернётся что-нибудь годное для самозащиты — или для защиты беспомощной дамы. Бочки какие-то. Значит, где-то должен быть и крюк, чтоб их открывать. Шарит, шарит — нету!

Госпожа казначейша тем временем, кажется,

решила оставить бесполезное сопротивление. И даже любезничает с монахом куда откровеннее, чем с предыдущим своим посетителем. Учёный тем временем добрался до другого выхода — только тот заперт наглухо. Пополз обратно.

Судя по звукам из верхних комнат, монашеское платье — куда удобней для любовной страсти, чем одеяние чиновника. Хотя, казалось бы, уместнее было бы обратное.

Что-то попало под руку. Ага, половинка разъёмной рамы, в каких вдвоём носят бочки. Вообще-то такой бочонок, как эти, и один человек мог бы легко поднять — даже полный браги или квашеных овощей. Ки примерился — ого! Тяжесть и впрямь неподъёмная. И звенит.

У соперника всё наоборот — сперва предался страсти, теперь принялся подкрепляться. Ворчит:

— Мало! Что за скупердяйство! А это что? Вот это, спрашиваю? Мне ж никакой убоины — нельзя! Я ж, так-перетак, постник!

Учёный поспешно ощупывает бочонок за бочонком. Некоторые полны не больше чем до половины, судя по весу и звуку. Звук, кстати, вполне узнаваемый. Может быть, в Верном краю и творится сплошное безобразие, но если это управская казна (всё правильно, к северо-западу от казначеева дома снаружи виднелся какой-то казённый склад) — то казна эта никак не пуста! Ещё удивительнее другое: почему она набита не тканью, не тюками с зерном, а, похоже, чеканной монетой? В совершенно избыточном количестве. Даже если чиновникам тут не платили не два, не три года, а лет пять-шесть — всё равно слишком много!

Постник тем временем сообразил, что к чему:

— Так, выходит, ты вовсе и не меня тут ждала? Мясоеда какого-то, в смысле, птицееда? Ах ты тварь распутная! Подобная индийской царице Си...

Не успел договорить — дама возмутилась, перебила негодуя:

— Ты всё-таки не забывай, с кем говоришь! Я — женщина достойная, жена Государева чиновника, не чета другим твоим...

— Жена? — рявкает монах. — Никакая ты не жена! А вдова давно!

— То есть как?

— А со второго дня, как твой муженёк в паломничество подался! Ябедник незадачливый!

На втором кругу Ки обнаружил, что под одну из стен подкоп кто-то уже устраивал. Только это, скорее всего, была собака. Наставнику календарного ведомства туда точно не пролезть. Тут что, казну с собаками сторожат, за неимением вооружённой охраны? Тогда где они сейчас?

Чувств госпожа не лишилась — разразилась оглушительными рыданиями. При таких вестях — неудивительно. И монах сразу как-то присмирел, не орёт больше, только ворчит:

— Ну ладно... Да чего ты? Ну, мало ли кто пропадает на пути к Западным святыням? Такая кончина зато обеспечит ему благое новое рождение. А голодать вы с малым не будете, это я обещаю!

Не помогает — казначейша только громче рыдает. И служанка где-то сбоку тоже заголосила. Нежданный гость поутешал, потом, слышно, встал, пристукнул посохом:

— Ну тебя! Ладно, ты тут погорюй. Я завтра загляну.

И, похоже, вышел на крыльцо. А там уж и не слышно — ушёл или остался, плач заглушает.

И что в таком положении прикажете делать блистательному столичному кавалеру?

Ки осторожно выбрался обратно, задвинул перегородку. Госпожа лежит, закутавшись с головой, так что даже непонятно, где эта голова. Только сотрясается. Учёный подошёл, протянул руку.

— Ах, ступай! И ради всех богов, не сцепитесь там! А то ещё и тебя...

Выждал на крыльце — тихо. И осторожно, угрюмо отправился к дому наставника Итэммона.

9. Медь

Великая доверительность соединяет любящих братьев! Ещё ночью старший Ки разбудил младшего и без утайки шёпотом пересказал свои похождения.

— Выходит, и без убийства таки не обошлось.

— Если, конечно, монах не врал, — уточнил осторожный старший учёный.

Но дальнейшее обсуждение отложили до завтрашнего похода в горы, а то уже дети заворочались, слыша их голоса.

А наутро — новая напасть. Старший Ки, проверяя медный шар к приходу носильщиков, сдвинул крышку, заглянул внутрь — и ахнул:

— Где?!

— У меня, — успокоил его брат. — Тут вчера ты ушёл, а сынок твоей зазнобы остался. Тени у него не получались, но он стал показывать, как его мать научила зверей и человечков из бумаги складывать. Через час вижу: вся ребятня сидит с бумажками; слышу — наставник Итэммон хватился каких-то своих пропавших записей. Ну, я и прибрал наши за пазуху, от беды подальше.

Дождались носильщиков. То ли прежние всё ещё маются похмельем, то ли прошёл слух, что учёные господа рабочих потчуют, и установилась очерёдность — но на этот раз явились совсем другие ребята. Мрачные, молчаливые, Облачную речь разумеют с трудом. Загрузили шар и треножник, двинулись в горы, обсуждая ночной подземный толчок. Ещё не вышли из посёлка, как встретили письмоводителя Таманобу. Тот поклонился, с деловитым видом хотел проследовать своей дорогой, но старший учёный, махнув носильщикам, чтобы следовали дальше вместе с младшим, задержался и обратился к письмоводителю:

— Прости моё любопытство — тут поговаривают,

что господин казначей так и не добрался до святынь Великого Властителя Земель?

Таманобу явно смутился, но овладел собою, удивлённо вскинул брови:

— Не знаю — возможно, и так: путь неблизкий. Имея подорожную, господин казначей мог воспользоваться возможностью поклониться по дороге и другим святым местам.

И вдруг насторожённо:

— А что? Вам довелось встретить его в Столице?

— Да нет, — повёл плечами учёный, — я ведь его и в лицо-то не знаю. Да и мог ли он настолько уклониться от своего пути? Просто до меня дошёл нехороший слух...

Помедлил, но юноша не перебивает, ждёт продолжения.

— Будто бы господин казначей погиб по дороге. Даже ещё, может быть, не успев покинуть Верный край.

— Об этом мне ничего не известно, — задумчиво отвечает Таманобу. — В управу не сообщали. Будем надеяться что это пустые сплетни. А от кого они расходятся?

— Да я уж и не помню, кто наболтал, — уклонился Ки.

— Здесь у нас любят посудачить о начальстве, — письмоводитель быстро вскинул глаза на собеседника и вновь потупился. — Про вас, учёные господа, тоже пустые сплетни распускают. Меня расспрашивали, наставника Итэммона тоже...

— Тебя — потому что заметили наши с тобою беседы?

— Да какие ж беседы? — удивился Таманобу. — Просто вы же ваши бумаги господину заместнику предъявили, они через меня проходили. Вот кое-кто и любопытствует: не подложные ли грамоты? Тут любят самозванцев высматривать...

— А что, уже бывали самозванцы в ваших краях?

— Нет, — качает головою юноша. — Хотя, по моему скромному суждению, если негодяй-самозванец

прикидывается Государевым чиновником — оно лучше, чем если настоящий Государев чиновник — негодяй.

— Не могу не согласиться. Послушай, а ты всё-таки не мог бы устроить нам личную встречу с господином наместником? И лучше — наедине.

— Постараюсь, но ничего не могу обещать. Господин сейчас избегает... необязательных приёмов. В любом случае, необходимы веские причины. А теперь приношу свои извинения, мне надо спешить по службе.

Таманобу улыбается, откланивается и припускает в сторону управы. Сегодня у него с зубами всё в порядке — чёрные, совсем не видны.

Ки-старший догнал брата, когда тот уже установил прибор и отпустил носильщиков. Пересказал разговор с письмоводителем.

— Что в управе если и знают о гибели казначея, то не спешат об этом толковать — неудивительно, — откликнулся младший учёный. — А вот что в нас уже подозревают самозванцев — плохо. Что-то недосмотрели?

— Я тоже по дороге перебирал возможности. Вроде бы нет. Разве что на самом деле кто-то здесь слишком хорошо разбирается в нашей науке.

— Или ждут, что мы уже к чему-то придём, или хотя бы начнём распространяться не вообще об извержениях, а применительно к здешним местам. Надо будет сегодня же прямо сказать: быть большому землетрясению!

— С чего ты взял?

— Пусть лучше обсуждают это предсказание, чем наши грамоты.

— Ты, главное, не накличь, — мрачно предостерегает старший брат. — Я, честно говоря, и без того себя чувствую беспокойно. Прислушиваюсь, не дрожит ли почва, приноживаюсь, не тянет ли дымом... То и дело чудится.

— Не чудится, — успокаивает младший. — И впрямь тянет, причём довольно вонючим. По-моему, вон из того ущелья.

— Надо бы взглянуть.

В чужих горах всегда так: кажется, что подозрительное ущелье — вот оно, а на деле к нему приходится пробираться чуть не полчаса через колючие кустарники. Но теперь уже определённо ощущается запах, и какая-то дымка с пылью и копотью дрожит в воздухе. Земля, правда, не трясётся.

Добравшись до края обрыва, братья заглянули вниз. Ущелье оказалось весьма населённым: десятка два полуголых людей копошатся около... непонятно чего. То ли гончарные печи, то ли плавильные горны, то ли и то, и другое. Двое замешивают глину с чем-то чёрным, ещё один проворно размазывает смесь в деревянных рамках около пяди в поперечнике. Четвёртый осторожно тащит целую стопу таких рамок за большой утёс — а оттуда, из-за этого камня, валит чёрный дым и слышится странный звук: то ли шипение, то ли хлопки какие-то. Ещё несколько человек тащат на коромыслах бадейки — похоже, с углём.

А в стороне, чуть выше прочих, пристроился на склоне монах. Сверху плохо видно, но бритый череп знакомых угловатых очертаний. И меч, похоже, по-прежнему при нём, рядом лежит.

— Что это? — шёпотом спрашивает младший Ки.

— Не знаю, — так же отвечает старший. — Похоже на литейню, ну, на подсобные работы. Я близ Южной Столицы видел, как отливают храмовые изваяния. Но там были большие такие глиняные скорлупы, половинками — куда потом медь заливать; здесь таких не видать. По крайней мере, отсюда.

— А что это за плоские штучки таскают?

— Не понимаю пока. Подождём, присмотримся.

— Если прежде этот чад глаза не выест.

Внизу почти ничего нового не происходит. Но, в подтверждение предположения старшего брата, какой-то малый прокатил тачку с медным ломом, старым, позеленевшим, и новым, блестящим. Споткнулся, тележка накренилась, однако работник

успел её выправить, не опрокинув, только мелочь какая-то высыпалась, и то немного. А в остальном всё по-прежнему, только дым стал ещё гуще. Ветер сменился, подул в сторону склона, прямо в нос. Учёный сморщился, зажал рот рукавом, пальцами другой руки стиснул переносицу — и всё равно не удержался, чихнул.

Вроде бы чуть слышно — а монах встрепенулся. Закинул голову, встал, отошёл подальше, чтоб видеть край обрыва. Братья Ки поспешно начали отползать назад, но младший махнул рукой: всё равно кусты качаются, снизу заметно.

— Эй! — кричит монах. Теперь, когда он стоит лицом вперёд и высматривает, видно: это действительно тот, который сопровождал настоятеля. Или очень похож.

— Эй, кто там?

— Это мы, наставники Календарного ведомства, — поднялся в полный рост старший Ки. — Скажите, пожалуйста: какова глубина этой впадины?

— Я что, мерил?

— А ширина?

— Шестов сорок.

— Пусть кто-нибудь из ваших поднимется сюда за верёвкой. Произведём измерения. Зная длину склона и угол крутизны, вычислим высоту.

— Нам сейчас не до того, — сердито говорит монах.

— А чем вы заняты?

Чуть замешкавшись, монах машет рукой:

— Готовимся к отливке священной утвари. Шли бы вы отсюда, господа учёные! Работа опасная, да и оскверниться недолго.

— Что ж сразу не сказали? — ужаснулись братья Ки. И припустили обратно.

Отошли подальше, отдышались. Погони нет, и хорошо: этим работягам бесштаным да и монаху куда сподручнее лазать по кручам, чем наставникам Календарного ведомства в полном облачении.

— То есть, похоже, ты был прав, — говорит младший Ки. — Литейня. И едва ли учтённая.

— Могу поручиться, что совершенно незаконная, — отвечает старший брат. — Ты разглядел, что у них с тачки сыпалось?

— Не очень: далеко всё-таки. Да и быть такого не может.

— Вот мне тоже так показалось, — кивает Ки-старший. — Видел, там ребята рамки с набитой глиной таскали?

— Да. И что с того?

— А теперь прикинь: что, собственно, можно отлить в такую плоскую изложницу? Даже если их несколько друг на друга уложить, стопою, и льяла проковырять?

Младший учёный задумывается.

— Кольца, которые на посохах бренчат?

— На самом деле — может быть, хотя и для этого рамки явно тонковаты, — задумчиво прикидывает старший. — Нет. Всё равно лучше всего такая изложница подходит для денег. Жаль, я никогда не бывал на Государевом монетном дворе.

— Я тоже. Но тогда что ж получается: они правда монеты переплавляют и отливают новые? Чушь какая-то!

— Не чушь. Во-первых, в тачке там явно не только монеты были, но и лом покрупнее. А во-вторых — именно что новые! Из старых.

В пору, когда один из братьев только начинал служить, а второй ещё проходил обучение, в Столице принята была мера из разряда чрезвычайных. Правила отливки монеты, установленные двести лет назад, были пересмотрены: нужда в том чувствовалась давно. В старые времена, говорят, на медяк можно было кормиться два дня, но с тех пор настоящей меди в деньгах стало так мало, что за одну монету давали едва горстку риса. Конечно, ни в Столице, ни на местах деньгами почти никто уже и не рассчитывается,

обходятся расписками либо простым обменом — но казна оттого терпела ущерб. А заморские соседи наживались, ибо к нам стали целыми кораблями возить деньги из страны То. И вот, решено было отлить новые монеты: крупные, веские, хорошей меди, вдесятеро дороже и впятеро тяжелее старых. Указ сопровождался неоднозначными знаменами и перетрясками чинов в Казначействе, кое-кто и в ссылку угодил. Похоже, теперь и в здешней горной глуши сообразили, зачем всё это делалось.

— Так... То есть на новую монету переплавляют, в частности, ту же дрянь, из которой лилась старая?

— Во всяком случае, на незаконной литейне, — уточнил Ки-старший. — Вообще-то подобные злоупотребления могут быть приравнены к вооружённому мятежу.

— Да одно другому не мешает...

За этой невесёлой беседой братья вернулись на прежнее место, где была установлена тренога с прибором — и обомлели.

— Прав ты был, братец, — выдохнул младший. — Не только старые деньги, конечно, они переплавляют.

Драгоценная снасть Календарного ведомства, тонкий прибор вместе с подставкой — исчезли. Может быть, это всё же неуместная расторопность носильщиков? Или земля-таки колыхнулась, и медный шар куда-то укатился? Братья обшарили всё вокруг — нету! Старший Ки опустил на четвереньки, взгляделся в следы. Натоптано изрядно...

— По крайней мере, потащили его не к ущелью, а в противоположную сторону, вверх.

— Ещё бы! — кивнул младший. — Такую громадину попробуй расплавь. Пилить на куски надо.

— Ах, что ты говоришь! — в отчаянии взмахнул запылившимся рукавом старший учёный и, не разгибаясь, двинулся по следу. По траве и тем более по кустам следить было несложно. А вот на каменной россыпи след потерялся. Окончательно...

10. Печать

Конечно, никакие носильщики за прибором не приходили — насколько можно понять их невнятные объяснения. Наставник Итэммон, узнав о случившемся несчастье, ахнул — но, на взгляд братьев Ки, как-то вяло.

— Но кому, кому понадобилась наша снасть? — возопил старший брат. — В этом диком краю едва ли кто-то, кроме нас, умеет пользоваться подобным оборудованием!

Итэммон, кажется, обиделся.

— Пользоваться по-разному можно, — проворчал Ки-младший. — Вот перельют на эти... изваяния...

— Но это же не лом! Прибор стоит несравненно дороже той меди, что на него пошла!

— И кому его здесь можно продать за настоящую цену?

— Разве что вам самим, — предположил лекарь.

— Да у нас и средств таких нет! Заморское сокровище, дар китайского императора...

Итэммон с сомнением покачал головою:

— Мне показалось, скорее точное подобие того дара. А настоящий Календарное ведомство едва ли позволило бы везти в наши дикие края.

— Даже если так, — Ки-младший поник головою, — мы и за подобие век не расплатимся.

— Ну, как сказать, — лекарь рассудительно начал считать по пальцам. — Тут существует три возможности. Первая: вы правы, негодяи позарились на медь. Тогда — увы. Вторая: вам ваше устройство действительно попытаются сбыть обратно. Пусть и не за подлинную цену.

— Мы, к сожалению, — вздохнул старший учёный, — сейчас едва ли сможем оплатить прибор хотя бы по цене меди.

— А это неважно, — Итэммон обмахнулся веером. — С вас за него запросят всё, что найдётся. Чтобы вы

остались без средств и волей-неволей вынуждены были прекратить изыскания. И третье: прибор не вернут, а припрятут или испортят. С той же, в общем-то, целью: помешать дальнейшим работам.

— Чтобы испортить, незачем было такую тяжесть уволакивать, — здраво отмечает младший Ки. — Достаточно было шарики повыковыривать.

Старший, однако, озадачился более общим вопросом:

— Но кому мешают наши наблюдения?

— Понимаете ли... — развёл руками наставник Итэммон. — Край здесь, как вы сами изволили подчеркнуть, дикий. Люди отягощены предрассудками, просвещение скудно. А Восьмиглавец — вот он. Если прошёл слух, что ваши исследования ему могут не понравиться... Он ведь прицельно разить не умеет. И вы сгорите, и весь посёлок. Или камнями завалит — тоже не лучше. Вот кто-то, видимо, и решил избегнуть божьего гнева таким незаконным путём.

— Разве мы чинили какое-нибудь нечестие?

— Кто знает. Может быть, и нет — я тоже полагаю, что Восьмиглавца едва ли тревожит, даже когда его измеряют, шестами и умозрительно. Но суть не в том, что думает он сам — этого нам не постичь, — а в том, что могло придти в голову местным благочестивцам.

— Какое невежество! — продолжал возмущаться Ки-старший. — Мы будем жаловаться! Дойдём до высшего местного начальства!

Лекарь с сомнением покачал головой:

— Разумеется. Но не думаю, что это многое изменит.

Приём в частном порядке у наместника Таманобу сумел выхлопотать. Повод достаточно серьёзный. На этот раз господин Миёси пригласил учёных в свои жилые покои. Тут, впрочем, так же темно и пусто, как и в казённом присутствии. Только заместителя рядом нет.

Едва поклонившись, братья Ки начали изливать

своё возмущение. Пропал ценнейший научный прибор. И не просто пропал, а почти наверняка похищен. Необходимо срочно учинить розыск. Учёные не стали бы беспокоить наместника лично, но не обнаружили ни воеводы, ни кого-либо из охраны, уполномоченного воеводу замещать. Между тем, до них неоднократно доходили слухи о шайке удальцов, держащих в страхе эти места. Кроме того, имеются подозрения насчёт незаконной литейни в горах неподалёку отсюда, совсем рядом с той поляной, где прибор был установлен в последний раз. Исследователи вынуждены были отлучиться, вдвоём, для проведения замеров на местности, когда же вернулись, драгоценное устройство исчезло. Всякому благочестию есть предел! А братьям уже намекнули, будто кое-кто здесь собирается поступить обратным способом, нежели китайский государь Дай: тот храмовые колокола и изваяния приказал перелить на полезные орудия, здесь же якобы на какую-то утварь для обрядов монахам не хватает меди, и они могли решиться на хищение... А ещё кое-кто похваляется тайным знанием горных дел, и возможно, мутит народ баснями о якобы нечестивых опытах, хотя каждому ясно, что отправляя сюда изыскателей, Календарная палата не могла не произвести всех надобных гаданий и установила, что никакого урона местным богам нанесено не будет...

— Действительно? — с сомнением вопрошает Миёси.

Таманобу переводит:

— Господин наместник хотел бы осведомиться: а вы, высокоучёные господа, действительно занимаетесь тут именно научными изысканиями?

Младший брат готов был уже вспылить, но старший мановением руки останавливает его. Достает из рукава свёрнутые грамоты, с поклоном передаёт их через письмоводителя наместнику:

— В сложившихся обстоятельствах считаем необходимым раскрыть наши личности. Я — Намма

Садамити из дома Конопля, младший советник Полотняного приказа. Мой спутник — Хокума Масахиро, также из дома Конопля, делопроизводитель Полотняного приказа.

— Наконец-то, — бесстрастно произносит наместник. И впервые на глазах столичных гостей приходит в движение. Подаёт знак Таманобу, принимает поднесённый тем ларец, откидывает узорную крышку, достаёт из ларца какой-то увесистый предмет и, склонив голову, двумя руками протягивает Намме.

Это должностная печать наместника Верного края.

— Извольте понять правильно, — произносит Намма, не прикасаясь к печати, — мы — не столичные ревизоры...

— Понимаю, — господин Миёси ещё на полпальца склоняет голову, — вы прибыли схватить нас и доставить в Столицу. Извольте, мы к вашим услугам.

Намма переглядывается со своим спутником:

— Опять же, это не вполне верно. Видите ли, дом Конопля не заинтересован...

Наместник поднимает голову. Долгим, совершенно неучтивым взором смотрит в глаза приезжему чиновнику. Собственные его глаза — дырами в белой маске.

— Даже так... Что ж, этого можно было ожидать от Конопляного господина. Я совершу всё, что надлежит. Только... настоятельно прошу учесть: мальчик ни в чём не виноват.

— Господин! — кажется, письмоводитель Таманобу понял, что имеет в виду его начальник.

Младший советник Полотняного приказа чувствует, что ему становится жарко. Никогда в жизни господин Асано, глава дома Конопля, не принуждал никого к самоубийству — тем более свойственников! Иные прибегают к этому пути, дабы избежать распространения бесчестья и урона для окружающих виновного лиц; но Конопляный господин не из таких! И

как, скажите на милость, это сейчас объяснить?

Вмешивается Хокума — совершенно спокойно:

— Господин наместник, не стоит торопиться. Не изволите ли лучше объяснить — что, собственно, за безумие тут у вас в Верном творится?

Миёси какое-то время молчит. Поводит рукавом, и Таманобу придвигает столик с маленькими, уже наполненными чарочками. Опрокидывает одну, не дожидаясь гостей. Задумчиво вертит в руках печать. И начинает:

— А вы разве ещё не поняли, господа сыщики? Злоупотребления на местах. Когда я получил назначение в Верный край, у меня уже было мало сомнений в том, что оно подстроено моими врагами. В Столице я сделался для многих... неудобен. Едва прибыв сюда, я обнаружил ряд существенных недоработок. В области обороны и правоохраны. Указал на них воеводе, тот воспринял это болезненно. Стал просить разрешения уйти в монахи, как давно собирался. Я запретил, он обошёлся без моего дозволения. И остальные воины один за другим тоже потянулись в горы. Я спрашивал заместителя, что происходит. Тот посоветовал не беспокоиться: праведник, дескать, увлекает своим примером даже приезжих, и отчего бы служилым людям не позаботиться о будущих своих рождениях... А если возникнет нужда, то он, господин Яцутаке, поставит под копьё своих родичей. Они все тут у него — родичи, всё население склонов Восьмиглавца. Эта гора, видите ли, их предок.

— Как почти всюду в Облачной стране. Местное чиновничество — из семей потомков местных богов, — кивает Намма.

— Хорошо я служил в своё время в области Бурунной. Тамошний мой заместитель поклонялся морю. По три-четыре месяца кряду. Можно было работать без помех.

Хокума встречает:

— Как понять «поклонялся»? В каком, с позволения спросить, виде?

— Он просил не смотреть. Да он и в чиновничьем платье был несколько головоног, я бы сказал. Здесь — иначе.

— Стало быть, — спрашивает Намма, — прошлогодние подати...

— Распределены между потомками Восьмиглавца и благочестивыми подвижниками. Мне ясно было дано понять, что пойманы грабители не будут. Пришлось скидываться чиновникам и собирать по второму разу с крестьян. Кое-что из похищенного я случайно нашёл здесь, в двух шагах от управы. Вызвал господина Яцутакэ для объяснений, объяснений не получил. Узнал только, что разбойников возглавляет мой же бывший начальник охраны.

— Но отчего же господин наместник не запросил нового воеводу из Столицы?

— Как раз составил запрос. Но тут исчез Таманобу. Я... внял предупреждению.

Намма кивает:

— Понятно. Видимо, это был единственный человек, на кого ты тут мог полагаться.

— К счастью, и был, и остался, — голос Миёси становится жёстче. — Как пока ещё Государев чиновник, заверяю вас: ни к каким здешним злоупотреблениям письмоводитель Таманобу не был причастен. Не давал же знать о происходящем в Столицу исключительно по моему личному распоряжению. Недвусмысленному и решительному.

Средний советник смотрит на юношу. Тот сидит с непроницаемым видом, бровью не шелохнёт.

— Всё прочее выяснилось уже позже. Дела к тому времени уже полностью перешли в руки моего заместителя. Когда я узнал, что в горах отливается поддельная монета... Здешний казначей испросил разрешения отправиться в паломничество, и я ему не отказал. Благочестие так благочестие. Не ожидал, что

он всё же сумел добраться до Столицы.

— Мы как раз слышали, что ему это не удалось, и господин казначей погиб ещё в пределах Верного края, — вставляет Хокума.

— Я и сам так думал. Но раз вы здесь...

Несколько мгновений Намма колеблется. И всё же говорит:

— Полотняный приказ не собирается морочить голову чиновнику в твоём положении. Так вот: в Столицу отсюда поступали доносы, в том числе и на тебя, но не вполне убедительные. По большей части списанные из книг о пороках управления, да ещё с намеками, будто наместник Верного повредился умом. Нас, изволишь ли видеть, отправили сюда, после того как к господину Асано-внуку, твоему зятю, прибыл с тревожными вестями письмоводитель Таманобу. Полтора месяца назад. Я его видел — вот, собственно, как и сейчас вижу, даже лучше, потому что при свете. Сначала в доме Конопля, потом всю дорогу он нас сопровождал.

Миёси качает головой. Хокума обращается к Таманобу:

— Вот мы и хотим понять, как такое возможно. У тебя часом нет брата-близнеца? Или ещё кого из родичей: молодых дядьёв, взрослых племянников, двоюродных каких-нибудь, чтоб были очень на тебя похожи?

Таманобу задумывается, медленно произносит:

— Я не знаю... В семье, где я вырос — нет. А кровной, не приёмной родни я никогда не встречал. Или не узнал.

— А господин наместник не сможет пролить свет на это обстоятельство?

Странный звук издаёт господин Миёси. В ином положении это мог бы быть смешок.

— Со светом у меня сейчас не лучшие отношения. Никого похожего на Таманобу я никогда не встречал и о таких не слышал — этого достаточно?

Сыщики Полотняного приказа переглядываются. Кажется, бесполезно. Или эти двое и впрямь сами ничего не знают, или будут стоять на своём до последнего.

— Хорошо, — произносит младший советник. — Спрячьте печать. Полномочий отрешать господина наместника от должности мы не имеем. Прошу и впредь сохранять нашу тайну: для всех, кроме вас двоих, мы пока должны оставаться изыскателями Календарного ведомства. Прибор нужно найти в любом случае.

Миёси кивает. Прикрывает глаза.

— Думаю, вам его вернут, — говорит он тихо. — Как только убедятся, что вы поняли предупреждение. Хорошо, что с вами нет никакого животного для опытов. Или ученика, или девушки-прорицательницы.

— Знаешь, если у одного из нас украдут другого, мы тоже будем крайне недовольны.

— Вот и уезжайте. Пока вас ещё выпустят, наверное.

Сыщики кланяются, поднимаются. Таманобу, однако, указывает на столик с чарками:

— Прошу отведать. Иначе как я объясню, что гости не разделили угощение...

Хокума одним прыжком оказывается у двери. Рывкает так, что на всю управу слышно:

— А я тебе говорю: капли в рот не возьму, пока не верну своего Восьмиголового! — и выбегает, громко топая по крыльцу.

— Прошу простить несдержанность моего брата, — кланяется Намма и тоже удаляется.

11. Туман

Между управой и домиком лекаря не так-то просто найти укромное место, чтобы потолковать наедине. Но в Полотняном приказе, главном ведомстве державы по расследованию служебных неполадок, сыщиков и не такому учат. Так что место нашлось, за чьим-то сараем.

— И что дальше? — спросил Хокума своего непосредственного начальника. — Господин наместник, похоже, ясно дал понять, что он вмешиваться ни во что не будет и нам не советует. Перепуган настолько, что уже ни на что не надеется. И при этом — не нашёл способа отправить в столицу своего парня, за которого так переживает. Хоть с караваном из соседней земли, хоть как... Сидит в потёмках сложа руки...

— Возможно, господин Миёси достаточно хорошо знает этого мальчика, чтобы предположить, что тот его одного не бросит. С дороги вернётся или даже из Столицы сбежит обратно. Тем не менее беседа с ними оказалась бесполезной, — отметил Намма. — Теперь большая часть здешних событий складывается во что-то цельное.

— Но не все.

— Не все. И прежде всего меня смущает вот что. По словам наместника, заместитель всем заправляет на правах потомка здешних богов. Кстати, не похоже, что тут прямо-таки все местные жители числятся родней Яцутаке. Мужики, видимо, не в счёт.

— Носильщики так говорили, да.

— Но что мешало бы господину Яцутаке просто собирать лишнюю подать в свою пользу? Зачем понадобилось столь хлопотное ограбление? Неужели только затем, чтобы ещё и чиновникам пришлось складываться и возмещать часть пропавших налоговых сборов? — рассуждает младший советник.

— Ну, если считать, что бедные служилые смиреннее зажиточных... Но всё равно — слишком сложно и опасно.

— И ещё: разбойники были вооружены. Кого мы здесь видели с оружием? Во-первых, действительно, охранников склада из родни самого заместителя, — правда, тут все знают, что этим оружием парни пользоваться не умеют. А во-вторых — монахов. И если верить господину Миёси, среди этих горных отшельников — едва ли не весь личный состав прежней, обученной охраны, включая воеводу.

— Ты думаешь, это он был с рогом во лбу? — с сомнением спрашивает Хокума.

— Это не важно. Но стоило бы разобраться: насколько заодно местная знать во главе с Яцутаке и благочестивая разбойная братия. По крайней мере, о гибели казначея сообщил его супруге именно монах.

— Да не похоже, что эта смерть — такая уж тайна для всех... Но отшельники, конечно, более чем подозрительны. А прибор наш, кстати, могли стащить что одни, что другие: и монахи, и потомки богов.

— Придётся пробовать выручать его и у тех, и у других. Тем более ты же тяжкий зарок дал. С Яцутаке я пока говорить не вполне готов. А где искать монахов — ещё предстоит разузнать.

— Ну, доселе за бывшим настоятелем не было славы ясновидца, — пожевал губами наставник Итэммон, выслушав учёных гостей. — Честно говоря, я сомневаюсь, что он поможет вам обнаружить пропавшее приспособление.

— А вы бы не взялись произвести соответствующее гадание? — почтительно осведомился старший Ки.

Лекарь-гадатель заколебался:

— Нужно выбрать благоприятный день...

— Тогда, наверное, пока мы всё же посетим досточтимого. Заодно и почтение своё выразим. Как бы только его отыскать?

— Приют его — не тайный. Туда уже дорожка протоптана. Правда, всё равно по горной чаще. Можно и с дикими зверями столкнуться.

— Справимся! — браво воскликнул Ки-младший. — Давненько, кстати, я не охотился!

— Тогда слушайте...

Протоптанная дорожка оказалась отнюдь не торной, а местами и вообще почти незаметной. Бывший настоятель обустроился гораздо выше по склону, чем до сих пор забредали столичные изыскатели, и

подниматься действительно пришлось через лес. Да ещё и солнце скрылось, сгустился мокрый туман... Не заблудиться бы! Правда, и дикие звери в такую погоду, похоже, забились по норам.

На какую-то полуземлянку братья всё же набрали. Хорошая, кстати, сухая, добротная. Но — безо всяких обитателей, и даже посох на стене не висит, и створки алтарного ларя закрыты. Впрочем, тропка идёт дальше — а едва ли самый почитаемый подвижник живёт ниже остальных отшельников.

До следующей лачуги добирались чуть ли не час. Перед нею — мокрые вишневые деревья, узловатые, в мелких листьях и зелёных ягодках. Чтобы перейти туда поближе, надо прыгать: тропинку пересекает глубокий ручей, моста нет. И как всегда в здешних горах, речку эту братья заметили, когда уже едва в неё не свалились.

Кое-как перебрались — и не зря. Дверей у хижины нет, внутри сидит старик-отшельник, тот самый, кого учёные уже видели, когда выпивали с носильщиками. Ноги скрещены, руки сложены ладонями вверх, на лице никакого выражения. Но и не то чтобы уединённая келья была набита драгоценными подношениями, награбленным добром или оружием. Учеников поблизости не видно и не слышно.

— Мы пришли искать совета, — низко кланяется старший брат. Младший между тем скидывает на землю лук и колчан, хмурится: всё сырое, не очень постреляешь.

Отшельник молчит, не шевелится.

Подумав, Ки-старший возглашает:

— Однажды стихотворец Ракутэн в той земле, куда был послан служить китайским императором, нашёл святого человека — отшельника, восседавшего в гнезде на высоком дереве. Ракутэн спросил: в чём главный смысл учения Просветлённого? Я мог бы тот же вопрос обратиться к тебе, но спрошу иначе: как вновь обрести единожды утраченное?

Нет ответа.

Младший брат тоже кланяется:

— Хотелось бы знать суждение досточтимого наставника вот по какому вопросу. Говорят, в наши дни Закон Просветлённого клонится к упадку, и никто уже не способен соблюдать всех его заповедей. Мы, миряне, будто бы должны чтить монахов уже за одну их бритую голову да за плащ на плече, а большего не требовать. И более того: если нынешние монахи просто живут, подобно честным мирянам, — этого, якобы, мало; надобно не только лениться, пьянствовать, лгать, но также убивать и грабить, иначе выйдет, что они не верят предсказаниям святых книг. Так ли это?

Нет ответа.

— Дерзостью с нашей стороны было бы заподозрить мудрого подвижника в воровстве, — теперь голос младшего учёного становится куда менее почтительным, чем его слова, — однако не ведает ли он в прозорливости своей, куда делась научная снасть, вверенная нам для проведения изысканий? Ибо, не узнав её местонахождения, мы просто вынуждены будем начать розыски похитителя.

Отшельник, не размыкая уст и не поднимая века, шевельнул руками. Сложил из пальцев какой-то сложный кукиш. Знанием тайных святых знаков брата, увы, не обладают...

Зато слух у обоих хороший — да особо тонкого тут и не требуется. Зашуршала трава с востока, хрустнули ветки с запада, заплюхало что-то по ручью, и грозный голос рявкнул:

— Да кто ты такой, что смеешь святого наставника вором обзывать?

Старший Ки развернулся направо, узнав голос. И впрямь, там стоит во весь богатырский рост монах Внезапное Озарение, Донкаку, — с тяжёлым посохом наперевес, лицо побагровело, брови сведены. Младший Ки поклонился налево, подхватив по ходу дела лук и стрелы — тут стоит другой монах, тот, что следовал за бывшим настоятелем в прошлый раз, а потом

разговаривал с братьями возле литейни. Ростом поменьше, годами постарше первого, но меч в руке держит так, что сразу видно умелого воина. И, судя по звукам, этими двоими горное воинство не исчерпывается, хотя в тумане их и не особо различишь.

— И в мыслях не имели ничего подобного, — отвечает старший учёный. — Вы, как я понимаю, охраняете здешнюю обитель? Так вот: хорошо ли, когда поблизости от неё совершаются грабежи и кражи? Не значит ли это попустительствовать греху?

— Донкаку! — раздаётся тонкий голос из тумана. — Урой охальника!

Посох поднимается выше. Но монах с мечом говорит:

— Всё в нашем мире призрачно. Подобно туману, подобно вчерашнему сну. Был у вас медный шар, да весь вышел. Давеча казалось, будто он есть, сегодня мнится, будто его нет.

— Верно сказано! — поддакивает кто-то невидимый.

Их по меньшей мере четверо. Из лука на таком расстоянии не промахнёшься — но нужно время, чтобы надеть тетиву. А пока будешь надевать... Разве что старшему брату отступить ближе к хижине, где вновь неподвижно, как изваяние, застыл подвижник, и снаряжаться для стрельбы, а младшему с саблей прикрыть его.

— Вот, — молвит Ки-старший, не сходя с места. — Наш вопрос и сводится к тому: когда наш восьмиголовый сосуд снова явится в нашем воображении и как тому возможно подействовать. Что скажете, о наставники?

Меченосец ненадолго задумался:

— Я рассужу так, — говорит он. — Даже в воображении две вещи не могут занимать одно и то же место. Слишком тесное соседство подобного с подобным неуместно. Двум Восьмиглавым рядом не ужиться. Убирайтесь вон!

Поводит клинком, словно подавая знак, и кивает в сторону ручья.

— Рады бы, — разводит руками старший учёный. — Но нам же голову снимут, если мы воротимся без прибора...

Монах внезапно улыбается:

— Дорога до Столицы далека, Облачная страна велика. А голов недолго лишиться и прямо тут. У вас их, чай, не по восемь.

Старший брат уже сделал было шаг к ручью, но младший выпрямляется, убирая в колчан вытянутую уже было стрелу:

— Эх, лучше уж в монахи, чем под Полотняное следствие! Не примкнуть ли и нам к вашей общине?

Кажется, Внезапное Озарение чем-то поперхнулся.

— Не верь им, Сакубо! — раздаётся тот же пронзительный голосок из мглы. — Это они нарочно!

— Да мы тут без гадателей как-то обходимся, — отвечает Ки тот, что с мечом. — И стихотворцы нам тоже ни к чему. Какие из вас стрелки, я уже видел — запоздалые.

— Хочешь проверить, как я владею клинком? — спрашивает младший.

— Но это никак невозможно — в твои годы помышлять о постриге! — всплескивает рукавами старший брат. — Досточтимые наставники, остановите его!

— А, собственно, почему? — спрашивает Сакубо. — Путь к просветлению не закрыт и для худших грешников, — и берёт свой клинок наизготовку.

Тут-то бы и вмешаться великому праведнику, бывшему настоятелю, предотвратить бессмысленное кровопролитие. Как бы не так.

Любопытствуя таким зрелищем, из тумана появляются остальные — ох, их не двое, а целых трое!

— Вот и отлично! — Ки-младший тоже вытаскивает меч. — Судить будет святой подвижник?

Сакубо хмурится:

— Нет. Отойдём.

Ки-младший, не дожидаясь монахов, решительно обходит лачугу с востока. Получилось! Все пятеро, во главе с поединщиком, тронулись за ним. Старший Ки, не теряя времени, словно мяч, перескочил через ручей и ринулся вниз по склону. Отбежал немного, завопил:

— Помогите!

Одним словом, трусливый календарщик сбежал.

Прислушался — по топоту понял: по крайней мере двое услышали, припустились вслед. Но задел между ним и погоней уже есть.

Плохо только то, что местность горные отшельники наверняка знают лучше столичного гостя. Младший советник поколебался, не влезть ли на дерево — но не решился, осторожно двинулся обратно вверх между кривых стволов, чтобы по широкому кругу обойти лачугу с запада. По дороге остановился, снарядил лук, вытащил стрелу. Ну в самом деле, не бросать же братца-дурака. Тем более что подмоги ждать неоткуда.

Погони уже не слышно — видимо, пронеслись вниз. И вообще подозрительно тихо — ни криков, ни звона колец на посохах, ни лязга оружия. Где, собственно, поединщики? А ещё говорят, что в горах эхо зычное...

Ещё не легче: гору тряхнуло. Точнее, двинуло: словно волна прошла. И как если бы воздух двинулся вслед за ветками деревьев — туман весь, как был, поехал вниз. И стало слышно, как гремит железо.

Вот, значит, где советник Намма. На скале над отшельничьей обителью. Драка — под ним, в проулке между хижин и этой самой скалою. Стрелять отсюда, конечно, удобно...

Там действительно поединок. Донкаку и какой-то низкорослый монашек не вмешиваются. А Сакубо уверенно теснит своего противника. Хокума отступает — и не видит, что позади него — не проход между утёсами, а тупик. Хижина выстроена на входе в узкую глухую расщелину. И сейчас Сакубо его там прижмёт.

Намма налагает стрелу на тетиву. Целится. Скала, где он стоит, и земля внизу раскачиваются не в лад, а словно навстречу друг другу. Поди попади, куда надо, а не в стенку этого тупика.

И поди не выстрели раньше времени. В седле хоть понимаешь, куда движешься. Напрасно Намму не учили корабельной стрельбе...

Тряхнуло, грохнуло. Стрела ударила в камень. А там, где был тупик, расселась яма. В неё, спиной вперёд, падает делопроизводитель Хокума. Сакубо отскакивает назад.

Намма выдыхает. И прыгает со скалы следом за подчинённым.

12. Укромное место

Позорно для чиновника Полотняного приказа бросаться навстречу смерти, даже не успев сообразить, зачем это делаешь. Броситься и выжить — всё-таки менее стыдно. Худшего позора младший советник Намма, кажется, избежал.

И даже больше того: болит всё тело, однако, кажется, ничего важного не сломано. Рот полон крови, но, похоже, только из-за прикушенного языка, а не от отбитого нутра. Лук, правда, уже не починишь, ну и ладно. Ещё немного полежать, собраться с силами — и можно открыть глаза.

А где-то неподалёку слышатся негромкие, членораздельные и очень отрадные звуки. Это Хокума изрыгает приглушённые проклятия.

— Нельз-зя же быть... таким неосторожным... — сдавленно произносит его начальник.

— Зануда ты, братец, — откликается Хокума. — Это был вполне здоровый зуб... И ещё два шатаются.

Намма открывает глаза. Без толку: ничего не видно. Наверно, ударился головой сильнее, чем думал. Или уже ночь. Или дыру завалило сверху.

Сплёвывает кровь.

— По тому, как ты изволил себя вести, — Намма, не

подымаясь на ноги, понемногу продвигается на голос,
— я бы решил, что ты...

Вроде бы, сам-то младший советник цел, и даже голова не слишком болит:

— ... решил бы, что ты прыгнешь в бездну, зажав клинок в зубах...

Вот и Хокума. Теперь задача: проверить, что он себе переломал.

— ...подобно китайскому герою.

— До такого я ещё не дошёл, — отзывается делопроизводитель, — да не ранен я, ничего страшного.

Хотя как обоим удалось упасть столь удачно — непостижимо.

Пол — или как назвать дно этой ямы? — довольно ровный, засыпан землёй с мелкими камешками. До стен отсюда рукой не дотянуться.

— Сейчас отдышусь, — говорит Хокума, — и пущусь на поиски меча. Пока никто на него не сел.

— Ты видишь что-нибудь? — спрашивает Намма.

— Ничего! В том-то и дело.

Обыск в темноте делопроизводитель в пору учёбы разучивал как раз под руководством Наммы. И вообще был поручен заботам старшего дальнего родича. И вот плоды двухлетнего воспитания!

Колчан лопнул, стрелы пришлось нашаривать по одной, и не все нашлись. Впрочем, луков у обоих сыщиков уже не осталось. Печати вроде бы не раскололись. Ни медного шара, ни треножника тут, конечно, нет; разбойничьих сокровищ — тоже. Зато есть какие-то ползучие насекомые. Постепенно удалось установить: они в длинной узкой трещине, или пещере, или как это называется. Шириною где два шеста, а где — едва четыре пяди. Что там наверху — не достать, но что-то явно есть, и оттуда время от времени сыплется щебень; зато можно встать в полный рост, если осторожно. В дальнем конце — довольно глубокая лужа, что очень удачно: кто знает, сколько тут придётся просидеть?

— До чего всё-таки неудобно, — ворчит Хокума, — когда не знаешь, где восток, где запад.

— Не понимаю, как мы тут оказались.

— Ну, я же ещё давеча предсказал — будет землетрясение!

— Больше, пожалуйста, не зловещай.

Чего не обнаружилось — так это хоть какого-то выхода. С противоположного от лужи конца вроде бы тянет ветерком, но сквозь такую узкую щель, что и ребёнок не протиснулся бы.

— Ну не может же во всём везти! — здраво заметил делопроизводитель.

И холодно. Никак не скажешь, что лето в разгаре.

Хокума, как назло, утешает:

— Ну, хотя бы тут нет раскалённых камней и кипящего горного нутра, какие видел тот припадочный!

— Горячие камни, может быть, и не помешали бы...

— Как это похоже на тебя, братец: брось тебя в недра огнедышащей горы — будешь ворчать, что холодно!

Намма хотел было обидеться на непочтительного подчинённого, но решил списать дурацкие шуточки на привычку к братьям Ки и на облегчение после того, как оба едва не погибли. Впрочем, считать, что они уже спаслись, явно рано. Довольно глупо будет вот так пропасть без вести, выполняя задание под чужим именем. Видел бы их сейчас Конопляный господин!..

— А кстати, этот Сакубо хорошо дерётся — заметил Хокума. — И не по-монашески, сдаётся мне, а по-войсковому. Учитывая его возраст — не он ли и есть бывший воевода?

Младший советник кивнул. Конечно, когда весть об их исчезновении дойдёт до Столицы, господин Асано найдёт, как известить родных. И о детях позаботится. Надо бы этим утешаться и на всякий случай сосредоточиться на чём-нибудь благочестивом — а то уже и не вспомнить, когда последний раз молился по-настоящему.

Хокума не понимает:

— Настоятеля своего они или ни во что не ставят, только на словах им прикрываются, — или наоборот, в самом деле держат за святого. Вот монахи к нам подходили. Ни один не попробовал даже встать между мной и стариком. А ну как я бы в хижину вскочил, нож к горлу ему приставил? Нет, даже мысли такой не допускают, чтоб кто-то посмел покуситься на их праведника. Или чтобы преуспел в этом.

Вот этим и хорош делопроизводитель: пока начальство готовится к смерти, он не перестаёт думать о деле.

— Почему я и думаю: а вдруг они — не просто разбойники бритоголовые, а вправду монахи? Тайная община изуверов? Святой подвижник у них есть, может, он же и чудотворец. Но средства-то всё равно нужны. Затем и грабят.

— Средства на что? — откликнулся, наконец, Намма.

— Кто ж их знает. Может, гонимым единоверцам из других земель помогать. Может, мятеж готовить. Ежели они и впрямь почитают Владыку Запада, то ведь известно: он обещал спасение даже закоренелым грешникам. Так надо же пользоваться! Жаль, что эти учения я представляю слабо. Вернёмся — нужно будет почитать книги Закона...

Это, конечно, хорошо, когда есть такая уверенность в том, что «вернёмся».

— А как же ты этого настоятеля собирался на прения вызывать, коли книг не читал?

— Ну, кое-что мы ведь оба с тобою знаем наизусть. Кто только в Приказе на следствии не ссылается на пору конца Закона: и воры, и лихоимцы, и даже если речь просто идёт о халатности...

Младший советник кивнул, хоть в потёмках этого наверняка не видно. Устроился поудобнее, стал вспоминать, что у него в голове осталось из благочестивых книг. И, как обычно за таким занятием,

задремал.

Очнулся оттого, что Хокума его легонько трясёт за плечо и шепчет в самое ухо:

— А вот и обещанные дикие звери!

И впрямь: в темноте, довольно близко, кто-то пыхтит. И пахнет — не то чтобы псиной, острее, но чем-то похоже. На всякий случай Намма стал щупать: нашёл ли родич свой меч? И наткнулся на что-то круглое и пушистое, правда вроде некрупной собаки. Зверь отскочил, чихнул, завозился. И вдруг заговорил знакомым человеческим голосом:

— Хорошо, что не разбились. Иногда люди пугаются, сами себя калечат.

— Люди? А ты, значит, не из них, Таманобу? — спросил Хокума.

— Это сейчас не важно. Сейчас можно будет выбираться. Уже стемнело, я вас выведу тихонько.

Если это — лис-оборотень, то это многое проясняет. Известно, что они порою выберут себе человека, приворожат так, что тот без них обойтись никак не может — и тянут из него жизненные силы. Обычно, правда, в женском обличье — но, может, для наместника как раз привлекательнее оказался красивый юноша. То-то господин Миёси вялый такой, и света избегает... И зубы — зубы у Таманобу один раз точно были белые, словно у зверя...

— Тот припадочный, что в храме — тоже, что ли, тут побывал и ты его вывел?

— Он — не тут был. С ним плохо вышло.

— А как вышло с настоящим Таманобу? Он тогда погиб? Или сумел тайно выбраться из Верного края?

— Да нет. Он по-прежнему служит при новом наместнике. Мы просто стараемся с ним пореже сталкиваться.

— Тогда понятно. Таманобу ездил в Столицу за подмогой, а ты оставался тут в его обличье, чтобы никто не заметил отсутствия парня.

— Наоборот. Это я с вами ездил.

— Постой. Но я точно помню — в дороге зубы у тебя были начернённые!

— Это не примета, — вполне по-звериному фыркнул невидимый собеседник. — Я иногда забываю, как надо. У вас столько глупых обычаев...

Хокума недоверчиво спрашивает:

— То есть получается, что ты, оборотень, смог предстать перед Конопляным господином? И он тебя — не опознал? Глава Палаты обрядов?

Нет ответа.

— Может, и опознал, — откликается Намма. — И предоставил нам сделать то же самое. Не слишком быстро у нас получилось...

— Но если ты лис, — не унимается Хокума, — то зачем вообще ты полез во все эти чиновничьи и разбойничьи дела?

— Потом скажу. Извините.

— А это — твоё логово?

— Нет. Просто — укромное место.

Младший советник Намма садится поудобнее. Задумчиво говорит:

— И много у тебя ещё таких хоронушек?

— Несколько. Они не всегда в одном и том же месте получают. Пойдёмте?

— Да. Спасибо тебе.

— Ничего. Вы в другой раз, если что, зовите, я услышу.

— Хорошо.

— Хорошо другое. Сходили не зря. По-моему, понравились главному монаху. Это нужно.

— Хотелось бы знать, чем...

Лже-Таманобу ничего не отвечает. Снова зашуршал. Тявкнул. Потом снова тявкнул — кажется, на три-четыре шага дальше. Сыщики поднялись и осторожно двинулись на звук.

Тот самый конец пещеры, откуда тянуло свежим воздухом, только теперь тут есть лаз. Довольно тесный, но ползком пробраться можно. В одном месте младший

советник едва не застрял, но ухватился за ногу Хокумы, тот его вытянул. И вот оно — небо между ветвями над головой.

Встали, огляделись. Та же, знакомая сторона горы — только гораздо ниже по склону, чем ожидал Намма. Ни юноши, ни лиса не видно — только что-то шуршит в кустах.

— Эй! — сдавленно крикнул Хокума. — Главное забыли! А прибор-то наш где, не знаешь?

Никто не ответил. И даже шуршания уже не слышно.

Никогда, никогда не следует отправляться в горы — даже поутру, — не запасшись фонарём. По дороге к посёлку сыщики многократно спотыкались, а несколько раз упали — к счастью, на этот раз не в пропасть. С другой стороны, фонарь и видно издалека. Съестные припасы тоже следует носить с собою! К рассвету добрались до дома наставника Итэммона, имея совершенно неподобающий столичным учёным вид. Прокрались внутрь, шикнув на проснувшееся было дитя, переоделись. И устроились отлёживаться — а проснулись едва к полудню.

Наставника Итэммона дома нет, ушёл по служебным делам, но чем подкрепиться, оставил. Старшей девочки тоже не видно, соседская баба возится с ребятишками. Сыщики выбрались на всякий случай на крыльцо.

— Узнали мы, конечно, немало, только что с этим делать?

— Пока не решил, — поджимает губы Намма. — Зато, если верить нашему ночному проводнику, мы понравились горному наставнику. Уж не знаю, чем — учёностью или воинской доблестью...

— С этого тоже толку не много. Теперь нас к нему уж точно не подпустят.

— А это как сказать. Ты видел, что он тебе тогда ответил? Руками?

— Ну, видел. Только я тайной храмовой

премудрости не обучался и знаков этих всё равно не понимаю. Их на досуге не освоишь...

Младший советник щурится:

— А это не храмовая премудрость. Смотри!

Поддёрнул рукава, пухлые руки быстро шевелятся, пальцы замысловатым образом сплетаются.

— Ну, видел?

— Всё равно не понимаю.

— Не туда смотришь. Ещё раз. И гляди не на меня, а на стену. Как подвижник Дарума.

Стенная бумага залита ярким солнцем. По белой бумаге заскакали тени рук Наммы, как в давешней ребячьей забаве. Свинка. Лошадка. Что-то вроде пятиярусной башни...

— Не поручусь за толкование, но показывал старик именно это. Допустим: «День Свиньи. Час Лошади. Храм». Надо будет завтра в это примерно время сходить в старый монастырь. Если я и ошибся — много времени не потеряем. Не думаю, что нас заманивают в засаду.

— Это была бы слишком хитрая приманка, — соглашается Хокума. — Но погоди! Там же не было никаких теней. Потому что и солнца не было, всё туманом затянуто. И светильник не горел.

— А не важно, — улыбается Намма. — Я ж видел, как он руки складывал. Может, тоже не догадался бы, начни старик с конца — но свинью-то я и сам умею показывать!

Хокума отвечает поклон — то ли в шутку, то ли всерьёз:

— Восхищаюсь! Недаром почтенный старший брат получил свою нынешнюю должность в нашем ведомстве в столь молодые годы!

Младший советник благосклонно кивает.

— Но Свинья — это завтра. А сегодня — дальше идём по следу Восьмиголового?

— Нет, — отвечает Намма, — нам ясно дали понять, что прибор пока не существует. По-моему, настало время переговорить напрямую с господином Яцутаке.

13. Переговоры

Усадьба заместителя наместника — пожалуй, второе по величине подворье после управы. Но в управе темно, пусто и пыльно, а здесь — наоборот, довольно людно, светло и так чисто, что даже столичные облачения учёных братьев Ки выглядят помятыми.

Кое-кто из поселян является на приём к господину Яцутакэ не в управу, а прямо сюда. Во внешнем дворе — полдюжины ожидающих; сидят тихо, не болтают, не пользуются вынужденным досугом, чтобы перекусить. Но представителей Календарного ведомства хозяин принимает вне очереди.

Дома он на вид кажется старше, чем в управе. Одет, однако, по всем правилам, в должностное платье. После взаимных приветствий распорядился об угощении — принесли подносы немедленно, и на этот раз закуска преобладала над выпивкой.

— Жаль безмерно, что так и не довелось побеседовать с господином заместителем наместника обо всех здешних тайнах, — сокрушается старший Ки. — Теперь мы вынуждены будем уехать. Измеритель подземных колебаний утрачен, и похоже, безвозвратно, дальнейшие исследования невозможны.

— Действительно, какая жалость, — кивает Яцутакэ. — Впрочем, я с самого начала не мог понять сути ваших стараний. Если вы занимались измерениями, долженствующими определить, какие знамения явятся за сотни вёрст отсюда, — зачем при этом тратить время на разговоры с простолюдинами, бродячими монахами, детьми и прочими? Если я вас не понял, и вы здешние природные знамения хотели соотнести с поступками местных жителей — то, опять же, едва ли наиболее ценным и достоверным источником сведений послужили бы эти ваши собеседники.

— Воспользуюсь же случаем исправить это

упущение, — Намма отвешивает поклон. — Возможно, мы и впрямь обращались не к тем, кого стоит слушать. Однако до нас дошли некие слухи, а иные странные вещи мы наблюдали воочию. Не соизволит ли господин кое-что нам пояснить?

— Всецело к услугам учёных гостей, — отвечает поклоном же Яцутакэ.

— Отправляясь в путь, мы и не подозревали, что в Верном краю — такая нехватка чиновников. Кто-то постригся в монахи, кто-то удалился в паломничество и, похоже, пропал без вести; даже что касается господина наместника — нам показалось, возможно, ошибочно, что он мало вникает в дела вверенной ему земли.

— Тому есть свои основания. Видите ли, нынешний наместник, отбывая на новое место службы из Столицы, тоже в недостаточной степени представлял себе здешние места. Или был введён в заблуждение — не берусь судить. Так или иначе, прибыв в Верный край, господин наместник с прискорбием убедился, что его рвение не приводит к успехам; более того — каждый новый шаг скорее влечёт за собою ухудшение положения. Хорошим примером тут могут служить отношения, сложившиеся у нового начальства с господином воеводой. Надо сказать, что до разговора с господином Миёси благочестие воеводы было куда более умеренным и ему удавалось совмещать тягу к Закону с мирскими обязанностями. И так далее — что, конечно, посеяло печаль и тревогу в сердце господина наместника, неизменно и искренне стремившегося к лучшему, но не преуспевавшего в этом. Затем исчез на некоторое время его доверенный письмоводитель, заблудился в горах и чудом уцелел. Мне кажется, что тогда-то господин наместник и заподозрил, что просто не обладает достаточными познаниями в местных обычаях, да и его происхождение плохо сочетается со здешней должностью. А разлад правителя с местными богами — пусть даже невольный — может, конечно, привести к пагубным последствиям и для самого этого

правителя, и для других чиновников, и для всего края! Природная осторожность и незаурядная ответственность побудили господина наместника, с одной стороны, воздержаться впредь от бурной деятельности, с другой же — не препятствовать другим приезжим чиновникам в их попытках избежать ошибок. Конечно, в итоге на служилых из местных уроженцев легло двойное бремя — но мы справляемся и не сомневаемся в мудрости назначенного нам из Столицы начальства.

— Являлись какие-то дурные знамения?

— Не берусь судить. Но, несомненно, что-то из происходящего господин наместник мог истолковать подобным образом.

— Однако запросов в Календарное ведомство от него не поступало, — отмечает старший Ки. Заместитель наместника разводит ладонями: что он тут может поделать?

— Так. Если я верно понял, здешний воевода подался в самоставные монахи после непростого разговора с господином наместником? — уточняет младший брат; Яцутакэ кивает. — Эге! То есть вся эта разбойничья шайка, она же бывший отряд здешней охраны, на самом деле не воеводе, а наместнику подчиняется?

Старший учёный с укором вздыхает, но, кажется, тоже ждёт ответа. Яцутакэ всплескивает рукавами:

— Ужасное подозрение! Да можно ли и вообразить себе подобное!

— Увы, — старший Ки достаёт и с поклоном преподносит ему грамоты, — ужасные подозрения входят в число наших служебных обязанностей...

Бегло просмотрев бумаги, заместитель наместника почтительно возвращает их. Качает головой:

— Значит, Полотняный приказ... То-то наставнику Итэммону показалось, что его гости не слишком сильны по части Тёмного и Ясного...

— Мы больше — по части скользкого и грязного, —

кивает младший советник Намма. — Например, эти сложности со сбором податей в вашем краю...

— Какие сложности? — чуть приподнимает брови Яцутакэ. — Подати были вовремя собраны, вовремя отправлены — и, надеюсь, благополучно доставлены в Столицу. Всё прочее — наши внутренние дела, не влияющие на процветание Государевой казны.

— Однако влияющие на благосостояние народа. Полutorная подать не то же самое, что одинарная.

— Тут уж у каждого свои мерки. Народ не ропщет.

— Далее, что касается казначея. Жив он или мёртв?

— По крайней мере, мёртвым его в пределах Верного края никто не обнаруживал. Или вы нашли здесь его тело? Что же произошло на пути его дальнейшего паломничества — я не знаю, столь далеко мой взор не простирается.

— Также мы лично наблюдали за устроенной в здешних горах беззаконной литейной. И более того, имеем веские подозрения по поводу отливки подложной монеты.

— Да простят меня господа сыщики — этих ваших видений я не стану ни отрицать, ни подтверждать. Мало ли что может почудиться под влиянием ядовитых испарений. Однако, если у вас имеется также грамота из Казначейства на совместное расследование этого вопроса... Впрочем, вы, наверное, и своей властью можете изымать поддельные монеты, буде обнаружите хождение таковых, дабы представить их для проверки в Столицу.

Грамот из Казначейства у сыщиков нет. Изъять деньги можно попробовать — кажется, господин Яцутакэ ещё не осведомлен о подробностях любовных походов старшего Ки; но, действительно, проверку их подлинности придётся производить в Столице. А за это время тут наверняка не останется ни бочек с деньгами, ни литейни.

— Послушай, господин заместитель наместника, —

Намма слегка наклоняется вперёд для пущей доверительности, — и ты, и мы понимаем, что тут у вас вскрылось достаточно неблагоприятного, чтобы учинить всестороннюю проверку по полному образцу: с прибытием дюжины чиновников, с войсками, с отрешением на время следствия от должностей всех здешних чиновников, включая местных уроженцев. Возможно, вы успеете спрятать концы в воду, возможно — нет. Но в любом случае за время гласного расследования у вас развалится всё сверху донизу. Так уже было, если вы не слышали, в краю Охвостье, и подобное же едва удалось предотвратить в Озёрном краю. У нас есть предложение, как этого избежать.

На этом месте иной недостойный чиновник спросил бы приказных: «И сколько вы хотите?» Господин Яцутакэ, однако, лишь склонил голову набок и ждёт с видом величайшего внимания.

— Первое, — Намма отщёлкивает крайнюю планку веера. — Шайка горных разбойников должна быть рассеяна либо уничтожена. Не сомневаемся, что вы тут справитесь с этим, не запрашивая дополнительных войск — здешнего отряда, по крайней мере того, что значится на бумаге, должно хватить. Если по ходу умирения этот отряд поредеет и даже если доблестный воевода Верного края падёт в бою — что поделать! Зато после этого вы сможете запросить, чтобы вам прислали подкрепление и нового военного чиновника.

— Головы разбойников в Столицу отправлять не обязательно, — добавляет Хокума. — Во-первых, на них будет лежать печать скверны. Во-вторых, вы управитесь до конца лета, а в жару такой груз при перевозке всё равно испортится.

— Второе: затянувшееся отсутствие казначея также выходит за пределы допустимого, — Намма расправляет следующую планку веера. — Попросите прислать исполняющего его обязанности.

— Или назначить? — уточняет Яцутакэ.

— Прислать. К его прибытию, разумеется, никакой

литейни и никаких незаконных монет тут быть не должно. Тогда можно будет считать, что они нам и впрямь почудились. Третье: вы полностью отвечаете за безопасность наместника и всех чиновников Верного края, кроме вышеобозначенных. Если господин наместник отправится на прогулку в горы и пропадёт без вести, или утонет, или в порыве раскаяния покончит самоубийством — мы будем вынуждены в Столице настаивать на расследовании и ознакомить следователей с итогами наших собственных изысканий.

— Это всё?

— Нет, не всё! — делопроизводитель Хокума набычивается. — Прибор извольте вернуть.

— Это четвёртое, — соглашается Намма.

Заместитель наместника задумчиво смотрит на собственный веер. Расправляет его. Складывает на нём крайнюю пару планок:

— Прежде всего. Заверяю вас, что ни я, ни кто-либо из моих людей вашего прибора — пусть даже и весьма неуместного в здешних краях — не брали и не уничтожали. И да будут мне в том свидетелями мои предки!

Помолчал, резким движением сложил веер:

— Что до всего остального... Это хорошее предложение. Но у него есть один губительный недостаток. Вы не сможете из Столицы следить за моими действиями, а я из Верного — за вашими. Если от нас поступят все запросы о пополнении, будет доложено о разгроме разбойников — возможно, даже головы засолить удастся, — и расточатся с ветром воображаемые монеты и литейня... Если даже так — что помешает вам представить подробный отчёт обо всём, что вам не понравилось? Да, сюда нагрянет разорительная проверка, да, Верный придёт в упадок; но вам-то это зачтут в заслугу. Может быть, даже новый чин пожалуют за вскрытие столь широких злоупотреблений. Или наоборот: вопреки вашим ожиданиям выяснится, что за время вашего отсутствия в

Столице обстоятельства переменились, и вашему начальству теперь желательно не заминать дело, а любой ценою учинить громкое разоблачение. И если вы откажетесь представить правдивый отчёт — то пострадаете и окажетесь сообщниками мятежного Миёси, или разбойников, или моими, или чьими-то ещё. Скажите на милость — какие у меня причины вам доверять? И, если уж на то пошло, какие у вас причины доверять мне?

Возразить на это младшему советнику нечего. По крайней мере, так, чтобы убедить собеседника. Если бы Яцутаке заперся или грозил — и то было бы проще.

— А каких-либо встречных предложений не будет? — делает он ещё одну попытку.

Заместитель наместника качает головою:

— Нет. Только просьба, пожалуй: прекратите вы, наконец, это кривляние с измерениями и предсказаниями! Побойтесь богов.

— Не вышло, — заключает Намма. Сыщики, распрощавшись с Яцутаке, отправились прогуляться за пределы посёлка. Летние дни длинные — ещё совсем светло.

— Если они тут хотят полной ревизии — что ж, им же хуже, — говорит Хокума. — Плохо то, что опасность для господина Миёси, на мой взгляд, только возросла. Вешать все провинности на мёртвого проще, чем на живого.

Младший советник молча кивает. Ещё через несколько шагов Хокума спрашивает:

— Может быть... как ты думаешь, наместник не согласится бежать отсюда? Вместе со своим письмоводителем. И пусть заместитель с воеводой друг другу глотки грызут без него.

— Этим господин Миёси, если повезёт, спасёт свою голову, — отвечает Намма, — но загубит своё будущее. Покидать пределы Верного он не имеет права, а не похоже, что у него есть на кого положиться в здешнем

краю. Хотя...

Хокума выжидает. Его начальник оглядывается на управу, на горы, на едва видную отсюда башню монастыря. Наконец произносит:

— Можно попробовать. Конечно, похищение чиновника столь высокого ранга — дело непозволительное, но особого выбора не остаётся. Главное — заручиться надёжным укрытием.

И замирает с раскрытым ртом. Со стороны храма движется исполин диковинных очертаний, со здоровенной круглой головой и какими-то шипами, торчащими из спины. Под лучами вечернего солнца от его макушки исходит золотое сияние. Пониже спины в обе стороны простираются какие-то длинные прямые отростки, вроде лишней пары рук врасстырку.

Сыщики двинулись навстречу, не решаясь поверить своим глазам. К заместителю наместника они ходили, конечно, без оружия. Но таинственный незнакомец не нападает. И уже видно, что это — Донкаку, на плечах у него — медный шар, который он бережно придерживает, за плечами топорщится треножник, а за пояс сзади засунут посох. Подошёл поближе, остановился. Сгрузил сосуд на землю, отвязал подставку и пристроил на неё тулово прибора. Опёрся на посох и объявил громогласно:

— Вот! Славьте Владыку Закатной страны! Славьте досточтимого! Он вашу снасть отыскал. Великим чудом!

Намма осторожно приближается, Хокума стоит настороже. Младший советник оглядывает прибор, открывает крышку. Изнутри всё выпотрошено, шариков в пастях у змеев тоже нет.

— Увы! Нашим изысканиям пришёл конец. Теперь уж полный. Оборудование неисправно.

— А ты думал! — отзывается монах. — Ничто начатое не избежит конца, Просветлённый сказал!

И, разминая плечи, разворачивается обратно к храму.

— После такого гостинца мы никак не можем

уклониться от приглашения досточтимого наставника,
— замечает делопроизводитель.

— Да. И пойти к нему придётся вдвоём.

Донкаку оглашает рёвом управский посёлок:

— Славьте Владыку Заката! Все на ночное бдение!
Настоятель прибыл, молиться будет!

— Не успеем мы на бдение, — кряхтит Хокума, подхватывая обеими руками злополучный прибор. — А вот носильщики наши, боюсь, пойдут туда...

Младшему советнику ничего не остаётся, как взвалить на себя треножник.

14. Бдение

По скольким доносам младший советник Намма представлял себе подобное зрелище: глухой ночью, в беспокойном краю, на задворках управы наместник, которому уже грозит попасть под следствие, тайно встречается с загадочными и зловещими посланцами из Столицы. В доносах, правда, столичные гости бывали сущими лиходеями, а не растяпами вроде братьев Ки.

Письмоводитель Таманобу неотступно сопровождает господина. Но больше его кратких заявлений не переводит развёрнуто и внятно: теперь наместник говорит сам. Решительно и недвусмысленно:

— Я не собираюсь никуда бежать.

— Речь не идёт о том, чтобы покинуть Верную землю, — убеждает Намма. — Но временно скрыться, пока мы попытаемся принять определённые меры...

— Негде тут скрываться, — Миёси прикрывает глаза, хотя и так кругом темно. — Я тут чужой, а они — свои. Знают местность много лучше меня или вас. Зато розыски пропавшего — прекрасный повод обнаружить его уже... безвредным. Предпочёл бы с этим не спешить.

— А если окажется, что у вас, — младший советник движением веера охватывает и наместника, и его письмоводителя, — здесь есть союзники из местных?

— Это будет значить просто, что местные не поделили между собою какой-то кусок. То есть речь

идёт не о моём союзнике, а о враге моих врагов. Разные вещи.

— Посмею заметить, господин наместник, — вступает в беседу молчавший дотоле Хокума, — выбор-то не столь велик. Уже несколько дней не выпало ни капли дождя. Если в управе случится пожар — лучше ли это будет, чем розыски пропавшего его недругами?

Миёси отвечает не сразу, и как бы даже с усмешкой:

— Хотелось бы мне знать, Полотняные господа: это предупреждение — или угроза?

Хокума молчит с непроницаемым видом. На наместника это едва ли подействует, раз тот всё равно не смотрит, но у Таманобу глаза открыты.

— Это опасение, — уклончиво уточняет Намма.

Господин наместник, кажется, плотнее стиснул руки в глубине рукавов. Спрашивает:

— Исключительно из любопытства — а кто с кем на этот раз перессорился? И на чьей стороне оказались вы — если это не тайна?

Хокума отвешивает поклон, одновременно с облегчением выдыхая:

— Извольте проследовать с нами.

Месяц кончается, луна видна лишь тонким краем. В посёлке сухо даже ночью, горный песок скрипит под каждым шагом. Но — и только: ни собак, ни людей. А со стороны храма слышатся песнопения.

Вверх по склону — и дальше по тропинке через рощу. Здесь ещё темнее, но хотя бы есть чем дышать. Впереди Намма, за ним наместник и Таманобу, Хокума последним.

Уже в роще Хокума внезапно останавливается. Прислушивается. Машет остальным: ступайте. А сам застывает, прижавшись к стволу сосны.

Впереди и вверху совсем ничего не видно — лишь Восьмиглавец. Небо едва светится, если оглянуться назад. Где-то там внизу — огоньки храмовых фонарей. Младший советник неуверенно озирается. Но — вот:

выше на тропе что-то бесшумно шевелится, и кажется, слегка мерцает.

Наместник — кто бы ожидал? — складывает ладони, как для молитвы. Таманобу начал было учтивый поклон — и сел на корточки. Белый лис подходит к прямо к нему, обнюхивает.

— Ой, — говорит письмоводитель. — А ведь это тот самый, кажется. Он меня из расщелины вывел. Узнаёт.

— Как вам такой союзник? — спрашивает Намма.

Таманобу осторожно пробует погладить зверя. Тот вскакивает, встряхивается, отбегает на три шага. И оглядывается. Глаза у него точно светятся зеленоватым.

— Превосходно, — невесело произносит господин Миёси. — Люди вокруг таковы, что приходится доверять диким животным.

Лис потряхивает шеей, густым меховым воротником. Пробежал ещё несколько шагов, опять оглянулся и ждёт.

Таманобу переводит взгляд с него на наместника. Господин Миёси пожимает плечами. Письмоводитель пошёл вперёд. Лис, видя это, неторопливо потрусил дальше, показывая дорогу. Наместник двинулся за ними, Намма остался на месте.

Где-то через четверть часа, громко шаркая, чтобы оповестить о своём приближении, появляется Хокума.

— Ушли?

— Ушли. Что там сзади было?

— Соглядатай, чей — не выяснял. В посёлке его видел. Не монах. Наверное, ещё какой-то родич заместителя.

И замолчал. Средний советник вопросительно поднимает взгляд на подчинённого:

— Ты его?..

— Смысла не было, — отвечает Хокума. — Если получится так, как мы надеемся — немного толку будет господину Яцутаке с того, что он будет знать, в какую сторону направился наместник. Если не получится и

зверь этот подведёт — то всё равно беглецов найдут. Но до утра этот парень, думаю, не выпутается, а там кто-нибудь его отыщет и развяжет.

Намма качает головой. Всё так, только вот скверно, что соглядатай сможет рассказать, что уходил Миёси из управы не вдвоём с Таманобу, а вчетвером. С другой стороны, не добивать же его только из-за этого.

— Он что-нибудь сказал? — спрашивает Хокума. — Насчёт завтрашнего?

— Нет, он был на четырёх лапах и бессловесен. Так что пока будем продолжать по прежнему замыслу. Если с монахом пройдёт так же гладко, как с наместником — уже удача.

На бдение наставнику Итэммону идти очень не хотелось. Детей оставить не с кем, хотя в храм рвётся только старшая, и её соседка могла бы проводить. А маленькие ещё устроят при всём посёлке и при монахах неуместную возню — позору не оберёшься! Но уклониться не получилось: собрание большое, с пением и огнями, у недужного может начаться припадок, и тогда без лекаря не обойтись. Пришлось отправиться на обряд всей семьёй.

Настоятель сидел в безмолвном сосредоточении, за закрытыми дверями своей здешней кельи. Двери храмового зала, наоборот, открыли, зажгли светильники перед изваянием Западного Владыки. К счастью, детям туда добраться сложно: монахи сидят двумя плотными рядами и попеременно поют или читают вслух. Прихожане кое-как подпевают, но по большей части слоняются по двору и сплетничают. Господин наместник, конечно, не явился, тут для него слишком светло.

Припадочный спрятался у себя. Ещё до обряда кто-то предусмотрительно составил в его уголок всю утварь, обычно раскиданную там и сям. Итэммон к нему заглянул — тот ухватил его за полу. Не бьётся, смотрит осмысленно, шепчет:

— Не о том молятся! Западный Владыка, может, и смиляется, а Восьмиглавец-то — сердится... Ох, сердится! Помяни моё слово — что-то да грянет!

Сидит и зловещает, но тихонько; может, оно и лучше припадка. Младшие дети в поисках батюшки подтянулись сюда же — и склад храмовой утвари их вдохновил на изыскания. К счастью, ничего не порвали и не поломали необратимо. Но к окончанию обряда наставник Итэммон совершенно вымотался.

На рассвете воротились. Лекарь уложил детей, обнаружил, что столичных учёных опять нет. Накануне вечером они уже было засобирались в обратный путь — но, видать, старший Ки решил проститься со своей здешней зазновой, а младший — присмотреть за ним. Хорошо хоть, никто не воспользовался тем, что дом стоял пустой, и не унёс снова их только что обретенный прибор.

Только Итэммон задремал — вернулись. Начали опять собирать свои снасти и припасы. Толкуют между собою шёпотом — или по крайней мере им кажется, что это шёпот. Потом один опять куда-то ушёл — наверное, в управе подорожную отмечать. Лекарь даже уже не разобрал, который это из Ки.

Думал, что так и не удастся заснуть — и ошибся. Разбудил наставника посыльный от господина Яцутаке. И такое выдал, что Итэммону сразу захотелось, чтобы это всё-таки был сон:

— Господин наместник сгинул! Извольте пожаловать в управу со всем потребным для гадания!

Вообще-то, коль скоро речь идёт об особе наместника, следовало бы запросить Календарное ведомство. Никакой гадатель не вправе гадать на собственное начальство, кроме как в чрезвычайных случаях. Вот пусть бы учёные из Столицы и занялись этим делом, пока они ещё здесь. Впрочем, какие они учёные...

Всё это Итэммон предерзостно выложил заместителю наместника. И поглядел вопросительно:

следует гадать на самом деле или же только составить грамоту с каким-нибудь обтекаемым заключением?

— Приступай, — молвил господин Яцутакэ раздражённо. — Начни с письмоводителя, он тоже исчез.

Итэммон рассчитал по гадательной доске: где находится в нынешний час, день и год, юноша, рождённый в такой-то час и день такого-то года. Ответ получился недвусмысленный:

— Его нет нигде на земле.

— Что за чушь? — старик заместитель наместника продолжает злиться, и это значит, его родичи, разосланные по округе, за время гадания не воротились с новостями. — Он что, за одну ночь до моря добрался? Или утопился?

— Скорее, провалился в земные недра.

— Ему дураку не впервой. Даю чрезвычайное предписание: переходи к господину Миёси.

Гадание показало то же самое.

Яцутакэ испытующим взглядом пронзил Итэммона: не шутит ли тот? А потом позвал родича:

— Передай всем: осмотреть внимательно трещины и пещеры.

А потом, помедлив, добавил:

— И свежезарытые ямы.

Гадателя он отпустил домой, но велел быть в досягаемости и явиться по первому зову. Итэммон вернулся. Братья Ки уже опять возятся вместе, хотя какие теперь сборы? Подорожную-то им должен отметить наместник.

— А эту жердь, может, лучше оставить? — спрашивает брата старший Ки. — Хозяину пригодится.

— Это не жердь, — со вздохом откликается младший, — а мерный шест. Казённый. Оставим, прибудем в Столицу, а как понадобится снова — нам что, сюда за ним ехать? И так за вещей прибор в десять лет не рассчитаться...

Видимо, у них тоже голова уже совсем идёт кругом.

И оба старательно делают вид, что не слышали, как посыльный сообщил столь важную весть. Впрочем, кажется, тогда одного из них ещё не было дома — но неужели второй не поделился такой новостью?

Вконец запутавшись со своей кладью, вышли передохнуть на крыльцо. Младший сын лекаря не преминул воспользоваться этим — гордо явился с какой-то очередной замысловато сложенной бумажкой. Встал против солнца, показывает старшему Ки тень на стене:

— Лисичка, верно?

Не ко времени! Как ни терпелив и ни добр к детям столичный учёный, на этот раз его прямо-таки передёрнуло. Чуть ли не испуганно переглядывается с братом. И молчит.

Младший Ки приходит на помощь:

— Да это уж скорее барсук какой-то у тебя вышел. А почему бумажный? Тряпки все вышли?

Мальчик обиженно мотает головой вглубь дома:

— Сестрица все себе забрала!

— Погоди-ка, погоди-ка, а что это у тебя за листок? Наставник Итэммон! Это не твоё?

Вот и переписывай редкие руководства по врачеванию, когда в доме четверо детей! Лекарь отобрал бумагу, разгладил, сына отправил к брату с сёстрами, извинился перед гостями. Краем глаза увидел с крыльца: заместитель наместника, по-прежнему мрачнее тучи, проследовал из управы в свою усадьбу.

— Ох, — выдохнул Ки-старший. — Я уж подумал...

— Пойдём дальше вещи собирать, братец, — молвил младший. — Нам ещё на восьмью... на медный шар рогожу натягивать. И если бы я помнил, где та рогожа...

15. Сделка

Миновав дом лекаря и не удостоив его взглядом, господин Яцутаке вступил на своё подворье. Здесь непривычно пусто: родичи и челядь ищут пропавшего наместника. Тяжким шагом хозяин поднялся на крыльцо,

распорядился об обеде, подозвал любимого внука.

— Не объявился господин наместник? — спрашивает мальчик.

— Ищем.

— А можно мне тоже? Я знаю места, где прятаться хорошо!

— И не думай, — молвил господин Яцутакэ. Видя, что дитя надулось, предложил ему отведать дыни — вкусной, привозной. Но внук обиделся, от дыни почтительно отказался и угрюмо удалился во двор.

Мерный топот, стук и звон — вместо родичей с доброй вестью во двор входят четверо монахов во главе с Сакубо. И шаг у них суровый.

Бывший воевода, не ответив на кивок заместителя наместника, останавливает свою вооружённую посохами охрану и подходит к крыльцу:

— Потолковать надо бы.

— Говори.

— Не здесь.

— Что ж, — Яцутакэ со вздохом поднимается, — пожалуй в дом... наставник.

Во внутреннем покое усаживаются друг напротив друга, как перед зеркалом. Молчат. Наконец заместитель наместника произносит:

— Ну?

— Нехорошо получается, господин, — неторопливо произносит Сакубо. — Куда ты досточимого-то дел?

— Ты о чём? Я вашего настоятеля после ночи и не видал. Не до того. Начальство, понимаешь ли, как сквозь землю провалилось. По гаданию выходит даже — не «как», а вправду: сквозь землю.

— Я тебя не спрашиваю, куда ты дел Миёси. Я спрашиваю: где досточтимый настоятель?

Яцутакэ поводит плечами, должностное платье громко шуршит:

— Понятия не имею.

Монах наклоняется вперёд, опирается на сжатые кулаки. Набирает воздух в грудь. Шумно выдыхает.

Говорит громко, неучтиво:

— Здесь твоя земля, я не спорю и никогда не спорил. С наместником делай что хочешь. А братия — моя. И без досточтимого мне с ней тяжело. Мы помогали, когда тебе было надо. А ты в ответ — что?

Тем временем во дворе мальчик подходит к монахам. Те стоят неподвижно, опершись на посохи.

— Вы наместника нашли?

— Ищем! — монах Донкаку отвечает, слегка наклоняясь к нему.

— А можно мне с вами?

Чуть помедлив, Внезапное Озарение соглашается:

— Давай. Только тихо.

И все вместе они уходят со двора. Ступают бережно, посохи держат на весу, чтобы кольца не звякнули.

— Вы что, — заместитель наместника на почти крик отвечает почти шёпотом, — действительно потеряли своего настоятеля?

— Это не называется «потеряли», — поправляет Сакубо. — Это называется — увели его. Он же в обетах твёрд, голосу подавать не стал. Только не дело это. Он — не твой. И слушать тебя кто не слушал, тот и не будет, даже если ты святого припрятал.

— Так, — деловито произносит Яцутакэ. — У него не может быть какого-то тайного обряда? Даже от вас тайного, требующего уединения?

— Полно голову-то морочить, — почти ласково произносит монах. Разгибается, встаёт во весь рост, подходит к дверям. Раздвигает створки, озирает долгим взглядом двор и снова поворачивается к заместителю наместника. — Я не стану тебе говорить, что это — грех. Но и так обращаться с собой... с нами не позволю.

— Перестань, — голос Яцутакэ звучит так, будто ему стало скучно. — Мы были и остаёмся на одной стороне. Подвижник твой сам по себе мне не нужен. Сам знаешь: я к нему ближе чем на четыре шага никогда не приближаюсь. Для старшего потомка Восьмиглавца

иначе — нельзя.

— Ну не сам ты его на закорках тащил, понятно, — усмехается бывший воевода. — Подручных хватает.

— Прекрати. Ты же в такую чушь сам не веришь.

— Не тебе судить, во что я верю!

— Если настоятель и впрямь пропал, тому может быть три объяснения, — неторопливо начинает перечислять господин Яцутакэ. — Или он усугубил своё отшельничество. Но раз ты считаешь, что это невозможно — тебе видней. Или он исчез туда же, куда и наместник. Но к этому я непричастен — сам, как видишь, ищу.

— Искать, что сам припрятал, долго можно, — откликается Сакубо, но заместитель наместника продолжает:

— Или его действительно кто-то прибрал к рукам. Кто-то — не из союзников твоих, а из врагов. Взять, к примеру, так называемых столичных учёных. Ты же сам, думаю, уже понял, кто это такие.

— Соглядатаи, — пожимает плечами монах. — Это было ясно с самого начала. От Палаты работ, от Казначейства, правда от календарщиков — в общем, неважно.

— От Полотняного приказа — не хочешь? Им твоего наставника захватить — и полезно, и выгодно. Особенно если они в его обете не столь уверены. Сказать по правде, я и сам не поручился бы за то, что старик скажет, если всё же заговорит...

Монах Сакубо подбирает с циновки посох, кольца лязгают. Сверху вниз произносит:

— Не считай меня за дурака. За этими братцами мои ребята с утра неотступно приглядывают. Оба с лекарского двора не высовываются, собирают свой скарб и готовятся сматываться. Далек они, конечно, не уйдут — но похитить досточтимого да ещё и припрятать у них не было ни времени, ни возможности. Своих людей у них тут нету. Я проверял. А у кого они есть — мы оба знаем.

Господин Яцутаке задумывается. Готовится что-то сказать, но бывший воевода его опережает:

— В общем, так. Тратить время на препирательства не буду — краток наш земной век. Как только выдашь мне досточтимого, целым и невредимым, — получишь обратно своего внука. Если быстро обернёшься — то тоже целым и невредимым.

Заместитель наместника немолод — но быстрее в движениях, чем кажется. Стремительно вскакивает на ноги, отстранив монаха, выскакивает на крыльцо. Метнулся обратно, пронёсся по дому. Срывающимся голосом что-то спросил у слуги, выслушал его невнятное бубнение. Прощелестел одежаниями в сторону заднего двора.

Тем временем монах неторопливо вышел на крыльцо. Подхватил брошенными палочками комок риса из недоеденной хозяйской чашки, кинул в рот. Вскинул посох на плечо и двинулся прочь с подворья.

Обратно в свой покой господин Яцутаке возвращается медленно. Потирает спину. Без удивления отмечает, что Сакубо в комнате нет. Опускается обратно на циновку. Смотрит в пол.

Под полом — какое-то шебуршание, не громче крысиного. Что-то прошуршало в сторону крыльца. Захлопало — словно пыльное платье встряхивают. Маленькая мягкая рука отодвигает створку двери. И младший советник Намма, войдя, кланяется хозяину:

— Полагаю, господин заместитель наместника сочтёт уместным сейчас вернуться к нашему последнему разговору?

Господин Яцутаке тоскливо взглядывает на него:

— Оба дома, значит... Монахи с них глаз не спускают... Сволочи же вы. Следовало мне знать: вы, столичные, все заодно.

Намма, сочувственно улыбаясь, достаёт письменный прибор. Разворачивает лист бумаги:

— Право же, мы очень хотели бы избежать ненужного кровопролития. Однако наставник Сакубо

представляется нам человеком... жёстким. Действительно, у нас с тобой нет причин доверять друг другу. Но в сложившихся обстоятельствах...

Заместитель наместника исподлобья глядит на младшего советника. И глаза у него такие, что похоже: и впрямь род его идёт от огнедышащей горы. Резко засучивает рукав, берёт кисть, пишет. Пишет. Потом поворачивает лист к Намме.

Тот проглядывает грамоту, кивает. Мягко просит:

— Извольте приложить печать.

Господин Яцутакэ достаёт печать, смазывает красным. Говорит — на этот раз не поднимая глаз:

— Только не забирайте мальчика в Столицу. Ему на запад — нельзя. Совсем нельзя. Он должен остаться... здешним.

Младший советник не возражает. Яцутакэ очень бережно прижимает печать к бумаге.

16. Трещина

Гадать больше не понадобилось. Ближе к вечеру наместник возвратился в управу, сопровождаемый письмоводителем Таманобу — но не полчищами искавших его поселян. Наставник Итэммон сам отправился к начальству и заявил, что должен осмотреть обоих пострадавших. Согласно должностному распорядку.

Господин Миёси был многословен как никогда:

— Мы не пострадали. Впрочем, приступай.

Ни увечий, ни ран, только пыль и грязь, да местами синяки. Итэммон предписал горячую баню. Наместник и тут согласился.

Пока вода греется, гадатель начал было осторожно расспрашивать, где и как именно господин изволил провалиться в недра земли. Но тут ворвались учёные из Столицы. Им, видите ли, срочно надобна печать на подорожную и носильщики на завтра в обратный путь, ибо изыскания более невозможны.

Наместник воспользовался суматохой, чтобы

ничего не рассказывать. Зато совершенно неожиданно предписал Итэммону:

— Срочно составь список надобных лекарств, приборов и книг. Отправим запрос в Столицу с господами календарщиками.

Лучше поздно, чем никогда! Вернувшись домой, лекарь немедленно засел за бумаги. И конечно, тут же дети потребовали его внимания:

— Батюшка, небывалое!

Итэммон содрогнулся: что ещё грянуло? Оказалось, всё не так ужасно. Просто господин Яцутакэ впервые выпорол своего внука. За то, что тот сбежал искать наместника, хотя ему и запретили. Увязался за какими-то монахами. Те его только к вечеру домой привели. Злорадствовать нехорошо, — сообщил лекарь детям и постарался вернуться к работе.

Братья Ки воротились из управы. Где моя пудра? — возопил старший. Там, куда ты её засунул. Вот я и спрашиваю: куда?! И так учёные до полуночи перерывали свою поклажу и ругались между собой.

А может, и в самом деле — заказать из Столицы, кроме снадобий, ещё и пудры лучшей выделки, и краски для зубов, и что ещё надобно для поддержания пристойного вида. Разумеется, каков начальствующий, таковы и чиновники — но быть может, наставник Итэммон в здешних горах уж слишком опростился? Дети растут дикарями. А до следующего заказа может пройти года три-четыре, старшая будет уже невестой...

На рассвете, простившись с наставником и посетив напоследок управу (где запрос на лекарства и прочее был надлежащим образом заверен), учёные братья двинулись вниз, к большой дороге. Лошадей на этот раз им не предоставили — слишком те заморились вчера, пока верховые искали пропавшего наместника; ну да до ближайшего постоялого двора и пешком добраться можно, недалеко и, главное, под гору. Сонные носильщики тащили их кладь — несколько

полегчавшую за время изысканий. А сами столичные гости шествовали налегке, только при оружии и бумагах, и вели между собою негромкую беседу.

— Никогда больше, — молвил младший советник, — я не доверю оборотню в моём обличье копать в своих вещах! Ничего потом не найти!

— Надеюсь, больше и не понадобится, — умиротворяющее сказал Хокума. — Но не разорваться же нам было. Иначе бы и я не успел бы к настоятелю в храм, и ты — к Яцутаке под крыльцо.

— Хорошо, что дитя уцелело. Но всё равно я не уверен, сколько продержатся наши договорённости.

— Ну, запрос от господина Миёси — есть. Доклад от его заместителя — тоже. В любом случае им обоим выгоднее дождаться прибытия пополнения из Столицы без новых потерь.

— Им — да. А вот воеводе, боюсь, терять уже нечего.

Помолчав, Намма задумчиво добавил:

— Впрочем, я не думаю, что господин Яцутака простит ему вчерашнее.

— Если эти двое продолжат грызться — господину наместнику это только на пользу. Мне показалось, что он несколько воспрял духом. По крайней мере, сегодня с утра — ты заметил?

— Окна в управе были открыты. Да.

Пересекли ручей. Ещё два поворота — и внизу покажутся крыши постоянного двора и большая дорога.

— А этот местный подвижник — получилось у тебя с ним объясниться?

— Ну, уст он так и не отверз. И правильно ли я понял все его знаки — не уверен. Но, по крайней мере, в указанное Таманобу, в смысле Таманобу-горным, место пошёл с готовностью и с наместником в укрытии вроде бы не сцепился. И вообще, когда они все вновь объявились, наставник выглядел так, будто его постигло внезапное озарение.

— Ох, не поминай...

И тут носильщики внезапно остановились. Поспешно сбросили кладь, пали ниц в земном поклоне. Намма взглянул вперёд — что там такое?

Только что обсуждавшийся бывший настоятель, ныне отшельник и молчальник, лёгким шагом шагает к большой дороге. В руке посох, на поясе чаша, за плечами походный короб. Совсем один — без служки, кажется, даже без охраны.

— Куда это он?

— Не знаю. Но мне это не нравится.

— Досточтимый, а досточтимый! — окликнул Хокума монаха. Тот обернулся, кивнул и молча продолжил свой путь. Носильщики поднялись, нагрузились, двинулись было следом.

Позади, по нависающему над тропой лесистому склону, посыпались камни. Не землетрясение: десяток монахов. Половина — только с посохами, остальные — при мечах и палицах, а наставник Сакубо — ещё и с луком.

— Досточтимый, стой!

Старик идёт себе, не оглядываясь. Монахи уже на дороге. Между ними и настоятелем — чиновники Полотняного приказа. И только — носильщиков как ветром сдуло, кладь свалена как попало.

— Значит, всё-таки это вы, — молвит бывший воевода, кладя руку на рукоять меча.

Хокума, кивнув начальнику: ступай вперёд! — тоже вытаскивает клинок из ножен:

— Продолжим?

Но на этот раз рассчитывать на поединок, похоже, не приходится: горные монахи надвигаются всей гурьбой. Отпрыгнуть бы, укрыться за носилками, начать отстреливаться — но лука у Наммы больше нет.

— Досточтимый! Не дайте свершиться убийству живых существ! — возопил младший советник.

Подвижник снова остановился. Посмотрел на происходящее, укоризненно покачал головой. И, слава всем богам и буддам, двинулся к чиновникам. Может,

правда уймёт свою братию?

Старик дошёл до носилок, уселся, скрестив ноги. И замер, как тогда, в хижине.

— Уходи! — бросил делопроизводитель уже вслух, не глядя на Намму. Тот в ответ тоже обнажил кинжал, встал рядом.

— Всё-таки провалили дело...

— Это не твоя вина, господин младший советник... — сокрушённо произносит Хокума. Хорошо хоть не кланяется.

Снова сыплются камни. И на этот раз земля явственно колыхнулась под ногами — Намма не удержался, сел прямо на тропу. Из монахов кто-то тоже упал. И одним толчком не обошлось — между монахами и чиновниками поперёк дороги, быстро растекаясь вширь, расселась глубокая трещина. Из которой пахнуло жаром и вонью, как из вспоротого живота.

— Уходим! — кричит Хокума. Хватается за носилки, Намма подхватывает их с другой стороны, пробует поднять. Будь он неладен, предсказательный прибор!

— Придётся бросить. А то сами провалимся!

Не успевает младший советник разогнуться, как видит сквозь прозрачный пар, курящийся из трещины: Сакубо, отбросив меч, уже целится в Хокуму из лука.

— Не стреляй!

Это незабываемый рёв Донкаку.

— Не стреляй! В досточтимого попадёшь!

Щёлкает тетива, визжит стрела — и звонко ударяется сквозь рогожу в злополучный медный шар, пройдя на два пальца от Хокумы и чуть выше бритой головы подвижника. Настоятель не шелохнулся, делопроизводитель выругался совершенно по-уличному, а бывший воевода проворно налагает на тетиву вторую стрелу.

— Не стреляй, кому говорю!

Намма уже укрылся за носилками, Хокума вжимается в начальника. Ждут. Вслушиваются.

Стрелы не слышно — только глухой удар с той

стороны трещины.

— Не высовывайся! — шипит делопроизводитель, но поздно: Намма уже выглянул.

Как раз вовремя, чтобы увидеть, как лук бывшего воеводы падает в дымящуюся расщелину. Сам Сакубо лежит ничком у края, а над ним — Внезапное Озарение с окровавленным посохом в руке. Остальные монахи что-то кричат, один оттаскивает Сакубо за ноги подальше от трещины, другой с опаской пытается уgomонить Донкаку. Остальные, кажется, совсем растерялись.

Настоятель открывает глаза, поднимается на ноги. Поджав губы, смотрит сквозь пар. Вздыхает, складывает руки перед собой, словно благословляя свою братию. Поправляет короб за плечами, разворачивается и неторопливо идёт вниз, в сторону постоянного двора.

— Больше стрелков у них нет, — говорит младший советник. — Попробуем всё-таки дотащить всё, что можно. Хотя бы грамоты и прибор.

— Главное, что у них, кажется, нет хороших прыгунов, — ворчит Хокума, примериваясь к обёрнутому разорванной рогожей медному шару. — Я бы, к примеру, перескочил... может быть.

И оба чиновника, шатаясь под тяжестью ноши, медленно движутся вслед за горным подвижником.

17. У людей так же

— Даже если тут, в Верном, всё сложится, как мы задумывали — а я совсем на это не полагаюсь... Но допустим, и наместник, и его заместитель не сорвутся. И монах этот, бывший воевода, больше не будет помехой... Но всё равно — страшно подумать, как докладывать обо всём, что мы тут натворили, Коноплянному господину.

Хокума молча кланяется начальнику. Меч лежит рядом с ним: этот, уже второй постоянный двор, всё ещё в пределах Верного края, и если младший советник

озабочен столичным отчётом, то делопроизводитель пока должен заботиться о текущей безопасности. Хотя здесь, на большой дороге, монахи едва ли посмеют сунуться, да и с их настоятелем Полотняные чиновники давно расстались. Подвижник, конечно, продолжил свой путь пешком, как ему и положено. Но сколь широко расселена родня господина Яцутаке — неизвестно. А стоило бы знать, конечно.

— Образцы их монеты я прихватил, — продолжает Намма, — и, думаю, они это поняли. Вообще-то я не знаю, куда им столько денег? Очень заметно станет, если начнут тратить.

— Смею предположить, — произносит Хокума, — сколько-то монет окажутся захвачены в разбойничьем стане. Должны же у грабителей быть сокровища.

— И что ещё наговорит на пути своего паломничества этот праведник, когда истечёт наконец срок его обета?

— Господин младший советник имеет в виду — монах не должен развязать язык? — почтительно и очень спокойно спрашивает делопроизводитель.

— Да нет, конечно! Только этого не хватало...

Что больше всего сейчас раздражает Намму — это то, что младшего брата Ки больше нет. И старшего тоже. Остались два чиновника Полотняного приказа, и Хокума опять ведёт себя как в Столице. И ведь, наверное, он совершенно прав. Только всё равно очень обидно.

— И прибор этот ещё... Да пусть его — прибор, хуже всего, что я по-прежнему многого не могу понять. Что такое этот настоятель, на чьей он стороне? Что на самом деле нужно было оборотню? И как ты, родич, сумел предсказать землетрясение?

— На последний вопрос я ответить могу, — откликается Хокума. — Я дерзнул высказаться наудачу. Нам столько говорили о том, что колебания почв свойственны земле Верной. Вот и совпало.

Это, конечно, утешительно. Младший советник

вообще-то не любит чудес, а иметь подчинённым и родичем землеколебателя, который может одним словом накликать великое бедствие — совсем не хотелось бы.

Хокума встрепенулся, потянулся к мечу. Действительно, за перегородкой — шаги. Скорее всего, просто кому-то из погонщиков или проезжих не спится. Но всё-таки...

Обтянутая бумагой створка медленно отодвигается, в отгороженный для Полотняных чиновников угол с поклоном входит человек. Безоружный. Знакомый. Только...

Очень неудобно при свете даже тусклого светильника обращаться к такому гостю. Если это настоящий Таманобу, его подобало бы приветствовать как поземельного чиновника. А если оборотень — как с ними принято здороваться?

— Добро пожаловать, — осторожно произносит Намма.

В рассказах и быличках оборотня опознать нетрудно: сам он в людском обличье, но тень отбрасывает звериную. От этого Таманобу тень падает вполне обычная, человечья. Но, кажется, никогда прежде Намма не видел его тени. Темно было.

— Пришёл проститься и выразить признательность, — с поклоном произносит пришелец. — И высказать сожаление по поводу ущерба, причинённого вашей медной снасти. Но вообще-то хорошо, что испортилась. Она... довольно нечестивая.

Если поземельный письмоводитель так непринуждённо усаживается в присутствии вышестоящих чиновников — видимо, это всё же зверь.

— Теперь всё, наверно, изменится, — улыбается он. — Хозяин доволен.

Да, зубы белые.

— А будет ли дерзостью осведомиться, — осторожно спрашивает Намма, — кто твой хозяин?

— Как кто? — лис смотрит на него, как на круглого

дурака. — Восьмиглавый бог, конечно. Быть его рассыльными — почётное право нашей семьи.

Хотелось бы знать, как соотносятся должности младшего советника Полотняного приказа и личного посланца бога...

Пока Намма раздумывает над этим, делопроизводитель спрашивает:

— Погоня — есть? Сакубо, монахи, люди Яцутакэ?

— Погони нет, — терпеливо отвечает оборотень. — Сакубо умер — ему раскололи голову посохом, люди после этого не живут. Бритые спорят, как им теперь быть, когда их старших нету. Господин Яцутакэ и его младшие родичи готовятся их... обезвредить. Не беспокойтесь, пожалуйста.

— Если о таком можно спросить, — Намма с некоторым трудом подбирает слова, — а как ты убедил старшего монаха покинуть Верный край?

— Так это не я. Старик поговорил с хозяином. И они, наконец,ладили.

— Поговорил? — поднимает бровь Хокума. — То есть он всё-таки разговаривает?

— Ну, не вслух. Я сам не совсем понял... — Лже-Таманобу выглядит слегка смущённым. — Кажется, он решил, что хозяин — это не только хозяин, но и ещё кто-то. И очень обрадовался.

Многие века назад Конопляная богиня возвестила своим потомкам: хочу быть чтимой в образе милосердной заступницы, Чуткой Ко Звукам. Должно быть, и Восьмиглавец выбрал себе кого-то из просветлённых и поведал о том. А монах отправился передать весть своим общинным старейшинам, добиваться воздвижения нового изваяния в храме Верной земли. Любопытно, это их двоих или старого подвижника прикрыл бог от погони огненной расщелиной? Но о таком спрашивать неудобно.

— Мы поистине рады, — кланяется младший советник, — что с нашей неумелой помощью удалось... умерить злоупотребления в Верном крае. Но...

Как тут выразиться?

Лис смотрит понимающе — и, кажется, тоже подбирает слова.

— Так у людей ведь так же, разве нет? — говорит он. — Трудно любящему главе дома наказывать своих детей и внуков, даже если они ведут себя дурно. Особенно когда он знает за собою несдержанность во гневе. А вы — на службе, вас этому и учили — блюсти меру. Вот меня и послали на запад. Вашему старому господину ведь тоже стало жалко родича его, здешнего наместника?

Ловко вскочил на ноги — уже не человеческим движением. Сказал:

— Ещё раз спасибо! А господину Цунанори передайте — родится мальчик. Я это почуял.

И, повернувшись к Хокуме:

— И пожалуйста... никогда больше не называй эту медную... дуру так, как ты её называл.

Не вышел прочь, не перекинулся — просто исчез.